

Лиза Рене Джонс
Темная страсть
Серия «Наизнанку», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7159826
Темная страсть: [роман]: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-080189-3

Аннотация

Бесследно исчезла красавица Ребекка – сотрудница художественной галереи. Что же с ней произошло?

Сара Макмиллан, в руки которой случайно попали интимные дневники пропавшей, пытается с их помощью отыскать Ребекку – и с каждым днем все сильнее погружается в мир чувственной одержимости, темных и завораживающих страстей и изощренных фантазий. Где-то здесь кроется разгадка случившегося. Но... постепенно поиски Сары становятся смертельно опасными: гибель угрожает не только ей, но и ее возлюбленному – талантливому художнику Крису Мериту.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	38
Глава 7	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Лиза Рене Джонс

Темная страсть

Роман

Диего – спасибо за нерушимую веру в меня и в успех этих книг

Тетрадь 8, запись 1.

Пятница, 27 апреля, 2012

«Темнота окутывает меня – сплошной мрак, от которого у меня внутри все дрожит мелкой дрожью. Нет. Это не мрак заставляет меня дрожать... а он. Я чувствую его присутствие, даже когда не могу видеть его. О да... я чувствую его! Каждой клеточкой своего тела, каждым нервным окончанием я чувствую его. Чувствую, как он подкрадывается ко мне. Как овладевает мною – даже не коснувшись меня. Я целиком в его власти – нагая, стою на коленях посреди ковра из мягкой шерсти. Туго стянутые ремнями лодыжки притянуты к бедрам, точно такие же ремни, крест-накрест обхватывающие грудь, стягивают руки за спиной. Из-за этого мое тело ноет от боли, острой и одновременно сладкой, невероятно возбуждающей. И хотя я чувствую себя беззащитной, но ловлю себя на том, что это невероятно возбуждает. Ничего подобного я никогда в жизни не испытывала и даже не представляла, что такое возможно. Это выглядит нелепо, знаю... мне страшно даже думать, что он сделает со мной, – но при одной мысли об этом меня охватывает возбуждение. А мне страшно... мне действительно страшно стоять тут – на коленях, в полной темноте. Страшно оттого, что мое собственное тело предало меня... что он имеет над ним куда большую власть, чем я сама. Оттого, до какой степени я сама этого хочу. Даже когда я пишу эти строки, я ловлю себя на том, что не узнаю себя... но когда я с ним, то становлюсь тем, кем он хочет меня видеть. Его покорной рабой – хотя и понимаю, что я не более чем марионетка в его руках. Он не обещал мне ничего – только обладать мною. Он никогда не будет моим – тогда как я принадлежу ему душой и телом. Я никогда не смогу подчинить его себе – как он подчинил себе меня. Я играю по его правилам – не зная, как они изменятся и что – или кто – станет частью новой игры, которой оборачивается каждая наша новая встреча. Прошлым вечером, когда луч карманного фонарика внезапно остановился на мне, выхватив из темноты мое тело, когда мрак расступился, и он шагнул ко мне, я увидела, что рядом с ним стоит еще какой-то человек, и это потрясло меня до такой степени, что я онемела. Их было двое – двое! Один из них – тот, кого я презирала, кого на дух не переносила, и он это знал... и все же именно его он позвал, чтобы вместе с ним обладать мною. Я хотела возмутиться. Я должна была возмутиться. Но там, в той комнате, я уже не была Ребеккой. Я была просто его собственностью. Может, когда наступит утро, когда он уже не сможет коснуться меня, когда его не будет рядом, я смогу снова быть собой... снова стать Ребеккой. Только теперь я уже не уверена, что знаю ее... знаю себя. Кто же ты на самом деле... какая ты, Ребекка Мэйсон?»

Глава 1

Я задыхаюсь... меня окутывает непроглядная тьма, поглотившая меня, когда на складе, где я брожу в лабиринте контейнеров в поисках хоть какой-то ниточки, способной навести меня на след Ребекки Мэйсон, внезапно погас свет. Я вдруг неожиданно стала персонажем фильма ужасов, одного из тех, что всегда ненавидела – девочкой, которая вечно делает именно то, что делать нельзя, и чье окровавленное безжизненное тело заполняет экран перед тем, как на нем появляются титры. Но я, Сара Макмиллан, всегда отличалась здравомыслием – поэтому прикрикнула на себя, пристыдив за неразумное поведение. Внезапное отключение электричества не редкость для Сан-Франциско, напомнила я себе, в последние пару месяцев такое случалось нередко – худшее из того, что мне грозит, это наступить в темноте на крысу.

Но разве не это твердит себе перепуганная насмерть девочка из фильма ужасов перед тем, как ее убьют? Ничего страшного, просто отключили электричество. Это всего лишь кино. Я поступила глупо, явившись сюда одна, да еще ночью – а ведь раньше я всегда старалась поступать разумно. Здравый смысл подсказывал, что тут может быть опасно, однако я велела ему заткнуться. Беда в том, что я была в отчаянии – мысль о том, что нужно найти Ребекку, сводила меня с ума, и не хотелось вспоминать, как утром я написала Крису, что скучаю по нему, а он ничего не ответил. Он уехал из города на пару дней, чтобы принять участие в какой-то благотворительной акции, но меня мучило подозрение, что эта поездка помогла ему понять, что сам он ничуть не скучает по мне. Убедить себя в этом оказалось несложно – в конце концов, накануне вечером он поступил со мной очень скверно, и я реагировала на это именно так, как, по его словам, я должна была, и чего я поклялась не делать – оттолкнула его. Проще говоря, сбежала, мысленно добавила я, вспомнив слово, которое частенько использовал Крис, когда в очередной раз брался предсказывать мое поведение.

Жуткую тишину прервал негромкий щелчок, и мне разом стало не до Криса с его упорным нежеланием отвечать на мои эсэмэски. Я лихорадочно пыталась понять, что это за звук – тщетно. О да, теперь я понимала, какого свалила дурака, явившись сюда. Обычно я стараюсь не делать глупостей – и, как правило, мне это удается, – но уж если делаю, то с размахом.

Я застыла, не осмеливаясь не только шелохнуться, но даже дышать – потом до моего слуха долетело чье-то хриплое, с присвистом, дыхание, и в первый момент я даже не сообразила, что это дышу я сама. Я пыталась заставить себя стоять тихо – напрасная попытка. Словно чья-то безжалостная рука сжала мне горло – я задышалась, воздух почему-то отказывался поступать в легкие. Я пыталась вздохнуть – и не могла. Я хватала воздух пересохшими губами, чувствуя, что вот-вот задохнусь. Это удушье, обреченно подумала я. Да... точно. Я еще не успела забыть это чувство, знакомое мне с того дня, когда пять лет назад врач, вышедший из палаты, где лежала моя мать, объявил, что она умерла. Даже понимая, что со мной происходит, я продолжала судорожно втягивать в себя воздух, зная, что тем самым только выдам свое присутствие. А вот чего я никак не могла взять в толк, так это почему, понимая, что со мной, я ничего не в силах с этим поделать.

Внезапно до меня дошло, что я стою – а я решительно не помнила, как поднималась на ноги. Руки у меня разжались, и бумаги разлетелись по полу – а я решительно не помнила, что держала что-то в руках. Крик застрял у меня в горле – страх толкал меня в спину, подсказывая бежать. Животный ужас оказался настолько силен, что я даже сделала крохотный шаг, однако еще один чуть слышный щелчок заставил меня прирасти к полу. Взгляд метнулся к двери – однако меня по-прежнему окружала темнота. Я не могла различить ничего – ничего, кроме бездонной черной дыры, готовой поглотить меня в любую минуту. Еще один чуть слышный щелчок. Что означает этот звук? Внезапно моего слуха коснулся едва различимый

шорох – звук шагов, как показалось мне в тот момент, – явно приближающихся к двери. В крови моей кипел адреналин – думать я была не в состоянии, могла только действовать.

Вытянув перед собой руки, я двинулась в том направлении, где было меньше всего вероятности на что-то наткнуться. Дверь, дверь, дверь... где же эта чертова дверь, лихорадочно гадала я. Мои руки шарили в пустоте – внезапно я ощутила прикосновение чего-то холодного, металлического. Чуть не зарыдав от облегчения, я с треском захлопнула дверь. А что теперь, спохватилась я. Нужно ее запереть. Но как? Боже... я не могла этого сделать. Реальность произошедшего обрушилась на меня, придавив к земле. Замок был снаружи, стало быть, тот, кто стоял по другую сторону двери, мог – о Господи! – запереть меня внутри. Или... я похолодела. Что, если тот, чье присутствие я почувствовала, успел проскользнуть внутрь до того, как я захлопнула дверь?

Вздрогнув, я резко обернулась, прижалась спиной к двери и вдруг вспомнила, что в кармане куртки должен быть сотовый. Попыталась нащупать его и не смогла. Поглотившая меня темнота лишила не только возможности видеть, но и всякой способности соображать. Как же это я сразу не подумала о телефоне? Наконец удалось нащупать его, но мобильник, выскользнув из моих ослабевших пальцев, со стуком упал на пол. Окончательно потеряв голову, я рухнула на колени и принялась шарить в темноте. Наконец мои пальцы наткнулись на плоскую пластиковую коробочку, зато теперь я никак не могла нащупать кнопку и разблокировать телефон.

Спohватившись, что меня запросто могут прикончить, пока я тут ползаю в темноте, я вскочила на ноги – я была в таком ужасе, что бросилась бежать. Возможно, это было не слишком разумно, но оставаться на месте казалось еще глупее. Я рывком распахнула дверь – снаружи царил такой же мрак, но теперь меня это уже не волновало. Я бросилась бежать со всех ног, молясь про себя, чтобы не наткнуться на того, кто поджидал меня в темноте... или хотя бы не свернуть себе шею. Мне хотелось только одного – выбраться отсюда. Как можно скорее. Это было все, о чем я могла думать. Эта мысль гнала меня вперед, туда, где в моем представлении должен был находиться выход. Забыв о логике, о здравом смысле, потеряв всякую возможность рассуждать, я превратилась в какой-то сгусток ужаса, приправленного изрядной долей адреналина.

Я пыталась отыскать выход, но наружная дверь, которую я оставила открытой, почему-то оказалась запертой – я ударилась о нее с такой силой, что лязгнули зубы. Рот наполнился металлическим привкусом крови – похоже, я прикусила язык, – однако даже это не могло меня остановить. Нащупав в темноте ручку, я ухватила за нее и едва не зарыдала от облегчения, когда дверь распахнулась.

Я пулей вылетела наружу – никогда еще мутные огни уличных фонарей и холодный воздух Сан-Франциско не доставляли мне большего счастья, чем в тот момент, когда я, спотыкаясь, бежала туда, где оставила свою машину. Легкие готовы были разорваться, мне казалось, я слышу за спиной шаги, однако даже не осмеливалась обернуться, чтобы это проверить. Я с такой силой сжимала в кулаке ключи, что ребристая поверхность больно врезалась в ладонь, пока я лихорадочно пыталась отключить сигнализацию. С трудом подавив в себе желание обернуться, я рывком распахнула дверцу машины.

Ни секунды не сомневаясь, что кто-то попытается вытащить меня оттуда, я ужом юркнула на сиденье, рванула на себя ручку и поспешно щелкнула кнопкой, заблокировав дверцы машины. Только после этого осмелилась посмотреть в окно – поблизости не было ни души, но я все равно какое-то время шарила взглядом по сторонам, подсознательно готовясь к тому, что в следующую секунду стекло скорее всего разлетится вдребезги. Руки у меня так тряслись, что мне пришлось держать ключ двумя руками, иначе бы я просто не смогла вставить его в замок. Урчание двигателя сладостной музыкой отозвалось в моих ушах. Включив заднюю передачу, я вдавила педаль в пол. Покрышки протестующе взвизгнули. Сердце едва

не выпрыгивало у меня из груди. Включая скорость, я попыталась резко тронуться с места, но перепутала педали, вместо газа нажав на тормоз – машина резко остановилась, а меня с размаху швырнуло на руль. В итоге двигатель заглох – хватая воздух пересохшими губами, я застыла, тупо разглядывая дверь на склад, которую я оставила распахнутой. Ничего необычного или пугающего я не увидела. Если что и было, то оно осталось внутри. А я сидела в машине, и вокруг не было ни души.

Однако все это уже не имело никакого значения. Чем дольше я сидела, тем больше мне становилось не по себе. Меня захлестнуло омерзительное чувство – я вдруг почувствовала себя мишенью. Нога моя наконец-то нащупала педаль газа. Мне хотелось только одного – поскорее убраться отсюда.

В тот момент, когда я, вцепившись в руль, уже свернула на одну из боковых улочек, мне вдруг вспомнилась открытая дверь контейнера. Я оставила ее открытой, а сама уехала. Свернув на заправку, я припарковала машину позади нее и заглушила двигатель. Какое-то время просто сидела. Так прошла минута, может, две. Мысли беспорядочно мельтешили в голове, словно рыбки в садке. Потом я опустила голову на руль и постаралась сосредоточиться. Контейнер на складе. Тайны Ребекки... ее жизнь. Ее смерть. Я резко вскинула голову. Нет. Не может быть. Она жива. Она еще жива... но при этом я нутром чувствовала, что в этом контейнере скрывается тайна, и кто-то очень не хочет, чтобы я ее узнала.

– Нужно вернуться и запереть дверь, – беззвучно прошептала я. Можно было, конечно, позвонить в полицию и попросить, чтобы они встретили меня там. Не арестуют же меня просто за то, что я боюсь темноты. Возможно, копы подымут меня на смех, возможно, они разозлятся, но зато я буду в безопасности.

Мой мобильник затрясся и заверещал на сиденье... я даже не помнила, что бросила его туда. Я подпрыгнула от неожиданности и зябко обхватила себя руками.

– Господи, помилуй, – выдохнула я, стараясь успокоиться. – Возьми же себя в руки, Сара!

Я покосилась на номер. Крис! Меня бросило в жар. Между нами оставалось столько всего невыясненного... что мешало нам стать ближе друг другу. Несмотря на это – а может, именно поэтому, – мне никогда еще так отчаянно не хотелось услышать чей-то голос... его голос.

– Сара, – пробормотал он, когда я ответила. Мое имя, произнесенное этим низким с хрипотцой тоном, словно растопленный мед, проникло в мою душу, заполняя собой ту зияющую пустоту, заполнить которую было под силу только ему.

– Крис... – Мой голос сорвался, словно споткнувшись на его имени. Глаза защипало. Господи, как случилось, что, прожив последние несколько лет в полной гармонии с окружающим миром, я за каких-то пару недель скатилась до того, чтобы полностью утратить контроль над собой? – Я... я бы все отдала, лишь бы ты сейчас был здесь.

– А я и так здесь, детка, – бросил он. И мне вдруг показалось, я услышала в его голосе – Бог свидетель, как мне хотелось это услышать! – неясный намек на какое-то чувство. – Я у тебя под дверью. Открывай.

Я смущенно заморгала.

– Но мне казалось, ты улетел в Лос-Анджелес на какое-то благотворительное мероприятие.

– Так и есть. И собирался вернуться только завтра утром, но вдруг поймал себя на том, что соскучился. Может, хватит болтать и пустишь меня?

Я растерялась. Весь день я мучилась из-за его упорного молчания. Решила, что это своего рода месть за то, как я поступила с ним прошлым вечером.

– Ты вернулся просто потому, что соскучился по мне?

– Ну да. Вдруг захотелось увидеть тебя. – В голосе его появилась нерешительность. – Ты не собираешься меня впустить?

Внутри у меня все перевернулось. Глаза отчаянно щипало. Я с трудом сдерживалась, чтобы не расплакаться. Он вернулся, чтобы увидеть меня, прилетел из другого города – он не сердится на меня за то, как я отреагировала на его слова в ночном клубе.

– Я не дома, – дрожащим голосом прошелестела я в трубку. – И очень жалею, что не дома. Послушай, а ты не мог бы приехать сюда?

– Сюда – это куда? – поинтересовался он. В голосе его появилось нетерпение.

– Я в паре кварталов от дома. В двух шагах от магазина «Заходи и купи», который рядом со складом. Ну, тем самым, о котором я говорила. – Я так и не смогла заставить себя произнести имя Ребекки... сама не знаю почему.

– Сейчас приеду.

Я уже открыла было рот, чтобы объяснить, как доехать, но в трубке повисла тишина.

Глава 2

Я выскочила из машины сразу же, как увидела свернувший на автостоянку «порше-911» Криса. Меня била дрожь, но не из-за холода, которым тянуло с океана – я все еще не могла успокоиться после того, что мне пришлось пережить на складе. Зябко обхватив себя руками, я молча смотрела, как он приближается к моему серебристому «форду-фокусу». Сердце колотилось так, что едва не выпрыгивало из груди. Внезапно мне вдруг почему-то стало неуютно – Господи, как я ненавидела себя за то, что ничего не могла с этим поделать! Что, если я ошиблась, и Крис вернулся вовсе не потому, что соскучился? А для того, чтобы сообщить о разрыве? Что, если моя реакция на его признание, сделанное в клубе Марка, только укрепила его уверенность в том, что он был прав, когда говорил, что я, мол, не от мира сего. Его мира.

«Порше-911» бесшумно замер рядом с моим фордиком – я старалась не думать о том, что точно такую же машину когда-то водил отец. Казалось бы, странно в такой ситуации думать об отце – однако последние пару недель, сама не знаю почему, отец не выходил у меня из головы. Впрочем, мозги у меня вообще устроены своеобразно – а уж после пережитого страха и тревоги о том, как будут развиваться наши с Крисом отношения, они и вовсе отказали.

Я смотрела, как Крис выбрался из машины – одного взгляда на его высокую фигуру, возвышающуюся над крышей «порше-911», было достаточно, чтобы мое сердце забилося, как бешеное. Он появился из-за машины, и я увидела его – черные джинсы, заправленные в высокие байкерские ботинки, кожаная куртка, светлые волосы, в беспорядке спадающие на воротник, – но эта небрежность делала его невероятно сексуальным и... о да, это было так по-мужски. Он торопливо зашагал ко мне, и в каждом его движении ощущалось то же нетерпение, которое сжигало и меня. Забыв обо всем, я кинулась к нему.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем я оказалась в его объятиях, почувствовала, как его руки крепко обнимают меня. Пережитый этой ночью ужас развеялся как дым. Я прижалась к нему, наслаждаясь теплом его сильного тела, я гладила его кожаную куртку, вдыхала знакомый аромат его туалетной воды и крепкий мускусный запах кожи.

Одним гибким движением он развернул меня, прижав спиной к машине, где нас никто не мог увидеть.

– Не молчи, детка, – проговорил он, пристально вглядываясь в мое лицо в тусклом свете габаритных огней «порше-911». – С тобой все в порядке?

Наши взгляды встретились – заглянув в его глаза, я прочла в них все, что хотела узнать. Почувствовала крепость связывающих нас уз. Глубину его чувств. В душе Криса были уголки, куда он избегал меня пускать, но он явно был неравнодушен ко мне. И мне безумно хотелось показать то, что я не позволила ему увидеть накануне вечером. Я стремилась понять его. И я хотела Криса – всего его, включая и те стороны его души, с которыми раньше отказывалась мириться.

– Да, со мной все нормально, – прошептала я. – Наконец-то ты здесь.

Не успела я это сказать, как губы Криса прижались к моим губам. Я чувствовала его нетерпение, его страх, как две капли воды похожий на мой собственный, страх, что после вчерашнего вечера мы уже никогда не сможем быть вместе. Я прильнула к нему, бездумно купаясь в его страсти, не позволяя себе думать ни о чем, кроме того, что он наконец здесь. Смутное воспоминание о том, что недавно произошло на складе и что, возможно, едва не произошло в клубе, словно темная волна, поднялось во мне, стремясь вырваться на поверхность, – но мое сознание отказывалось это принять. Стараясь загнать его поглубже, я сделала то, чего никогда не позволяла себе – я позволила себе потерять голову. Я чувствовала,

как горю в огне, как меня охватывает желание. Мир как будто перестал существовать – не осталось ничего, кроме кончика языка Криса, который сплелся с моим, его вкуса и аромата его тела, ощущения его рук, обхвативших мои бедра. Он был нужен мне. Нужен сейчас же, немедленно.

Мои ладони скользнули под его рубашку, вбирая в себя его тепло, наслаждаясь упругой гладкостью кожи, под которой перекачивались мышцы. Глухое рычание сорвалось с его губ – я упивалась этими звуками, желанием, которое разгоралось в нем, ощущением того, как его руки, скользнув по моей спине, обхватили ягодицы. Крис рывком прижал меня к себе – я подставила ему губы, чувствуя, как что-то твердое уткнулось в живот, и внутри меня вдруг как будто что-то щелкнуло. Я забыла о том, что нас могут увидеть – сейчас меня это не волновало. Я просто хотела его – до всего остального мне не было дела. Я не могла оторваться от него. Нас с Крисом тянуло друг к другу – я чувствовала, что теряю голову. И все же подсознательно я понимала, что этого недостаточно... что мне хочется чего-то большего...

– Сара.

Я невольно ахнула – губы Криса оторвались от моих губ, и мне показалось, я лечу в пустоту. Я понятия не имела, сколько прошло времени, и мне было глубоко на это наплевать. Я снова потянулась к Крису. Запустив руку мне в волосы, он удержал меня – дышал он так же тяжело, как и я.

– Послушай... мы должны остановиться, иначе нас арестуют. Я и так уже на грани... еще немного, и возьму тебя прямо здесь.

Да... отлично. Возьми меня! Я вдруг представила, как это будет... как он войдет в меня, и задохнулась. Озадаченно моргая, я смотрела на него... перед глазами все плыло. Да, прямо здесь! Почему-то меня это нисколько не смущало. Звук ожившего двигателя и детский смех повлияли на меня, словно ушат холодной воды. Все, что произошло за последние пару часов, обрушилось на меня с неотвратимостью снежной лавины. Внутренности стянуло в тугий узел. Боже, как я могла до такой степени забыть, чтобы выкинуть из головы Ребекку, пристыженно думала я.

Я прижала ладони к груди Криса, наслаждаясь теплом его тела.

– Какая же я дура, забыла обо всем на свете, – пробормотала я. Господи... как заставить себя оторваться от него... не думать о том счастье, которое он мог бы мне подарить? Мне стоило невероятного труда заставить себя вернуться к действительности. – Надо было запереть контейнер. Нужно вернуться – иначе склад запрут, и я уже не смогу это сделать. – Мне до смерти хотелось поведать Крису обо всем, что произошло на складе. Ведь Крис был единственным, кому я могла рассказать о своем страхе за Ребекку. Удержала меня только мысль, что он тут же пристанет с расспросами, а на это сейчас не было времени. Нужно было запереть этот чертов контейнер. – Пойдешь со мной? Нужно торопиться. – Не дожидаясь, что он скажет, я выскользнула из его рук и сделала попытку – правда, неудачную – прошмыгнуть мимо него.

Однако он успел перехватить меня.

– Что тебе понадобилось в контейнере Ребекки, да еще на ночь глядя? – Челюсть Криса упрямо выпятилась – хорошо знакомое мне выражение, и несмотря на раздражение, я вдруг порадовалась – выходит, я начинаю постепенно его узнавать.

Я погладила его по щеке, ощутив колючую щетину.

– Может, объясню на ходу? Прошу тебя, Крис! – взмолилась я. – Не хватало еще, чтобы нас заперли на складе!

Крис сверлил меня недоверчивым взглядом и... проклятие, я оказалась права – он даже не подумал сдвинуться с места. Стало понятно, что улизнуть без объяснений мне не удастся.

– О чем ты умолчала, Сара?

– На тот случай, если ты не в курсе... порой ты бываешь страшным занудой, Крис. Я же сказала – объясню тебе все по дороге.

– Нет. Сейчас.

– Послушай, Крис, склад скоро закроют.

Он не шелохнулся. Ну, конечно. Естественно. Крис ведь так гордится тем, что всегда сохраняет самообладание. Ну, положим, не всегда, шепнул ехидный голосок, напомнив, как он сунул мне свою рубашку, чтобы я могла прикрыть наготу – сам-то он в тот момент был полностью одет.

– Я заехала посмотреть, может, там найдется что-то, что подскажет мне, где искать Ребекку. – Я не собиралась вдаваться в дальнейшие объяснения, но Крис продолжал смотреть на меня недоверчиво, и я, заикаясь, принялась торопливо объяснять: – Видимо, я увлеклась и забыла о времени. А потом вдруг отключили электричество, и стало темно, хоть глаз коли. Я почувствовала, что мне не хватает воздуха – я ничего не видела и жутко запаниковала. Потом услышала какие-то странные щелчки, и мне показалось, что я не одна.

– Что значит – тебе показалось, что ты не одна?

– Ну, я просто это чувствовала и все. В здании кто-то был. Ощущение было такое, будто кто-то подкрадывается ко мне. Я не знала, что лучше, попытаться спрятаться или бежать. Самое ужасное, что я даже не могла позвонить, потому что не видела этот чертов мобильник. В конце концов кинулась прочь – прыгнула в машину и приехала сюда. И только тут вдруг вспомнила, что оставила контейнер незапертым. В этот момент ты позвонил.

Какое-то время Крис продолжал молча разглядывать меня. Потом отодвинулся, сунул руки в карманы и негромко выругался.

– Позволь спросить, какого дьявола тебя вообще понесло туда среди ночи?

Ответа у меня, естественно, не нашлось. Я и сама понимала, что это вряд ли был самый умный из моих поступков. Однако признать, что всему виной упрямство, не хотелось.

– Не ругайся, Крис.

– Не суйся туда, где может быть опасно, тогда не буду.

– Я прекрасно могу позаботиться о себе, – оцетибилась я. – Между прочим, я годами именно так и поступала.

– А как насчет сегодня? – Крис раздул ноздри. Он был так зол, что на мгновение мне показалось, что из них вот-вот повалит дым. – Это так ты можешь позаботиться о себе? Ты хоть понимаешь, что напугала меня до полусмерти?! Кажется, я сказал, что поручу кому-нибудь поиски Ребекки – а это значит, я хочу, чтобы ты, черт возьми, держалась от всего этого подальше!

Сказать, что это меня возмутило, значит, ничего не сказать. Я просто взбесилась. Не хватало еще, чтобы кто-то указывал мне, что мне можно, а что нельзя.

– Мы уже обсуждали это, – взорвалась я. – Черта с два я позволю тебе совать нос в мою жизнь! Если ты трахнул меня, это вовсе не значит, что ты будешь указывать мне, что делать! Самодовольный самец!

На скулах Криса заходили желваки, и хотя было слишком темно, чтобы я могла увидеть его глаза, я была уверена, что они от злости налились кровью.

– Вот, значит, как, Сара? Я трахнул тебя? Это ты о том, что произошло между нами вчера? Поэтому ты вызвала меня сюда? Хотела, чтобы я снова тебя трахнул? Что ж, отлично, тогда я буду трахать тебя до тех пор, пока не забудешь, как тебя зовут! Зато навсегда запомнишь, как зовут меня!

Меня бросило в жар – уж мне ли не знать, что Крис вполне способен на это. Однако за этими словами я уловила неуверенность и страх – страх, что мыслями я не здесь, не с ним. Он хотел быть уверен, что я никогда не забуду его... и, больше того, даже не попытаюсь

его забыть. Я уже открыла было рот, чтобы сказать ему, что это не так, но Крис не дал мне это сделать.

– Решай сама, Сара, – рявкнул он. – Если хочешь, чтобы мы были вместе, а не просто трахались, то имей в виду – я сделаю все, чтобы тебя защитить, и тебе лучше с этим смириться.

Его ультиматум разом все изменил. Я почувствовала, что вступаю на зыбкую почву, на территорию, где обитают уже знакомые мне демоны.

– Ты собираешься защитить меня, Крис? Или контролировать? Надеешься, что я буду есть у тебя из рук? – прошипела я. Слова эти оставили у меня во рту горький привкус прошлого.

Я зажмурилась, ожидая его реакции. Я не удивилась бы, ударь он меня. Не удивилась бы, даже если бы он попробовал потребовать то, что по праву считал своим. Какая-то часть меня даже подсознательно хотела этого. Другая боялась, что так и случится. Но тогда я хотя бы знала, как с этим справиться.

Как и следовало ожидать, я ошиблась – имея дело с Крисом, никогда нельзя было знать наперед, как он поступит. Он молча смотрел на меня с непроницаемым выражением лица – в эту минуту его застывшее лицо походило на каменную маску.

Время, казалось, остановилось. Мне представилось, что прошла уже целая вечность, когда Крис вытащил из кармана ключи.

– Пошли, запрем этот чертов контейнер.

Он отвернулся, и мое сердце ухнуло в пятки. Я не хотела ссориться с Крисом. Впрочем, я ссорилась не с ним, вдруг сообразила я. Я сражалась со своим прошлым – не хотела, чтобы демоны, обитавшие в нем, вдруг вырвались наружу и встали между нами.

Протиснувшись между ним и машиной, я положила руку ему на грудь. Крис не сделал попытки обнять меня – просто стоял и молча разглядывал меня с таким видом, будто видел в первый раз. Этого нового Криса мне уже случалось видеть – в винодельне, когда он вдруг на мгновение стал до ужаса похож на своего отца. Тогда он тоже замкнулся, словно окружил себя невидимой стеной, и я поклялась, что не позволю ему поступить так снова. Только не сейчас.

Острая боль пронизала меня. Я опустила глаза.

– Прости. – Глубоко вздохнув, я вскинула на Криса глаза. Больше всего на свете я боялась оказаться уязвимой перед мужчиной, который приобрел надо мной большую власть, чем кто-либо до него, и при этом вел себя так, словно по-другому и быть не могло. Пришлось напомнить себе, что его приезд сюда был своего рода оливковой ветвью, которую он предложил мне. Так что еще вопрос, кто из нас более уязвим.

– Я ужасно хотела, чтобы ты был рядом, и вот ты здесь – даже не представляешь, как много это значит для меня. Послушай, Крис... ей-богу, сама не понимаю, как меня угораздило сделать такую глупость. Прошу тебя, давай не будем все портить. По-моему, хватит с нас и вчерашнего.

Крис вдруг застыл – было слишком темно, чтобы я могла прочесть в его глазах, что он думает. Но внезапно его пальцы до боли знакомым жестом сжались вокруг моей шеи, и он притянул меня к себе – так близко, что я чувствовала на губах его дыхание.

– Не уверен, что понимаю разницу между «защищать» и «контролировать». Так что имей это в виду.

Типично мужская реакция – на первый взгляд. Но за этим явно крылось нечто большее. Крис был вовсе не такой твердокаменный, каким хотел казаться, – во всяком случае, со мной. И одно это уже говорило о многом.

– Я поставлю тебя в известность, когда замечу, что ты путаешь эти понятия.

В следующую минуту я почувствовала, как его губы нежно, но одновременно властно прижались к моим губам.

– Жду не дождусь, – буркнул он, словно давая понять, что понимает мое стремление к независимости. Крившийся в его словах чувственный намек заставил мою кожу покрыться мурашками. Как это частенько бывало и раньше, я могла бы поклясться, что за его словами кроется что-то еще, и стремилась это понять, а заодно и лучше узнать его самого.

Нагнувшись, Крис какое-то время смотрел на меня – и внезапно я поняла, что что-то изменилось. Что-то, чему я не могла найти названия – но в чем отчаянно нуждалась и чего хотела больше всего на свете. Это «что-то» мне еще предстояло узнать, и помочь в этом мне мог только Крис. Но я уже знала, что с ним я готова отправиться туда, куда не осмелилась бы ни с кем другим. Нет. Я не просто была готова – я хотела этого.

Глава 3

Вместо того чтобы оставить «порше-911» на пустой парковке, Крис предпочел остановиться перед зданием склада, прямо у самой двери.

– Сам схожу и запру, – буркнул он, выдернув ключи из замка зажигания и выключив фары. – Скажи только номер контейнера. Кстати, мне понадобится ключ или можно просто захлопнуть?

– Сто двенадцать. Там комбинированный замок. Я просто оставила дверь нараспашку, – ответила я, не в силах оторвать взгляд от здания склада. Свет нигде не горел. Похоже, кроме нас двоих в помещении не было ни души. Крис нагнулся, собираясь вылезти из машины. Я схватила его за руку. – Дверь просто открыта.

– Да понял я, понял. Мы ведь для этого и приехали сюда – чтобы ее запереть.

– Да, – кивнула я, бросив взгляд на часы на приборной доске. – Но прошло уже полчаса после закрытия. Так что она не может быть открыта. – Я снова покосилась на дверь... на зияющую за ней черную дыру. Я еще не забыла, как задыхалась там, хватая воздух ртом, – содрогнувшись, я зябко обхватила себя руками, не в силах избавиться от ощущения, что кто-то прячется там, поджидая именно меня.

– Что-то не так? – Крис заглянул мне в глаза. – Уж ты скажи сразу.

Я вдруг снова почувствовала, как бегу к выходу, за которым меня ждет спасение, и сердце, подпрыгнув, застряло высоко в горле.

– Дверь была открыта, когда я вошла внутрь, а когда я хотела выбежать из здания, она оказалась заперта. Кто-то намеренно закрыл меня внутри. – Я бросила на него взгляд, ясно говоривший, что ему лучше сразу поверить мне на слово. – И не нужно читать мне нотаций. Я уже признала, что сглупила, явившись сюда одна среди ночи. Поверь, я понимаю это, Крис. И уже сполна за это заплатила – страхом, которого натерпелась на этом складе.

Глаза Криса на мгновение смягчились. Он провел рукой по моим волосам.

– Знаю, малыш. Можешь не сомневаться, я найду пару теплых слов для тех, кто ведает тут охраной. В конце концов, это их обязанность – следить, чтобы на территории склада люди чувствовали себя в безопасности.

– Парень, который тут работает... знаешь, Крис, у меня от него мурашки по коже. Сильно сомневаюсь, чтобы тут кто-то заботился о безопасности.

Брови Криса сошлись на переносице.

– Проклятие, Сара! Если так, какого черта ты отправилась сюда одна, да еще среди ночи?!

– Опять ругаешься! – скривилась я.

– О чем ты только думала?!

– Послушай, в «Макдоналдсе» возле моей школы в утреннюю смену работает тетка, при виде которой у меня тоже мурашки по коже, но это не мешает мне пить там кофе!

– Не пытайся увести разговор в сторону, Сара! Дай только вернуться домой, и я тебе всыплю!

Домой. Это слово гулом отдалось у меня в ушах, поскольку я уже успела убедиться, что Крис слов на ветер не бросает. Это прозвучало как-то на редкость интимно и вместе с тем... правильно. Сердце у меня заколотилось.

– Выспешь? – протянула я. – Может, объяснишь, что ты имеешь в виду?

Крис слегка понизил голос, отчего по спине у меня пополз холодок:

– Включи воображение. А если свое не поможет, воспользуемся моим. Если это, конечно, тебя не пугает.

Еще одна проверка – Крис решил напомнить мне о том вечере в клубе, убедиться, что я не забыла женщину, которую связали и пороли у меня на глазах. Не забыла его признание, что и ему случалось терпеть и причинять боль. Я вызывающе вскинула голову.

– Не пугает. Я не боюсь тебя. И вообще ничего не боюсь, когда я с тобой.

Глаза Криса сузились. Он явно пытался понять, насколько серьезно сделанное мной заявление.

– Ты это уже говорила.

– И ничего не изменилось.

– Неужели?

– Вообще-то изменилось. Теперь мне известно, что темные тайны, которые ты хранишь в своей душе, способны обратить меня в бегство. И тем не менее я здесь. Чудеса!

– Однако накануне ты предпочла сбежать. И ты уверена, что тебе известны все мои темные тайны?

– Так поделись ими со мной, – беззвучно выдохнула я.

– Поделиться с тобой. – Это не был вопрос. Взгляд Криса остановился на моих губах, и мне тут же вспомнилось, каким утонченно жестоким он может быть, когда захочет. – Ты говорила, что можешь сама позаботиться о себе. Это неправда, и ты за это заплатишь. – В глубине его глаз вспыхнула искорка. – Мне придется тебя наказать.

Намек на то, что я не в состоянии сама о себе позаботиться, подействовал на меня, как красная тряпка на быка.

– Тоже мне, умник нашелся! Я вполне способна позаботиться о себе!

– Это ты так говоришь. – Губы Криса искривились, в глазах разгорелся огонек – темная сторона его души на миг явилась мне, как это уже бывало не раз. – Ладно, буду начеку за двоих. Ты нужна мне живой – ведь я собираюсь трахать тебя до тех пор, пока ты навсегда не запомнишь, как меня зовут.

Меня вновь обдало жаром. Но хотя бы представилась возможность озвучить то, что уже давно следовало сказать, и я не преминула ею воспользоваться.

– Ты это уже делал, Крис. Но если хочешь превзойти собственный рекорд, что ж, флаг тебе в руки.

– Твое желание для меня закон, – промурлыкал Крис.

– Что-то не верится.

– А ты поверь, детка. – Мы рассмеялись, но смех наш мгновенно стих – предвкушение темных, запретных наслаждений дурманило голову, сводило с ума. Это было уже не просто желание, а какая-то неистовая, всепоглощающая жажда.

– Я действительно рада, что ты здесь, – пробормотала я, коснувшись его щеки. Мне вдруг стало нечем дышать.

Губы Криса впились в мой рот. Я застонала, почувствовав его сексуальный голод, его нетерпение. Наконец Крис отодвинулся.

– Пойду запру эту чертову дверь, чтобы мы смогли наконец убраться отсюда.

Он повернулся, чтобы уйти, но я ухватила его за руку.

– Там темно. Ты даже не сможешь найти замок.

– У меня в багажнике есть фонарик.

– А что, если тот, кто напугал меня, все еще находится там, внутри?

– Пусть только дернется, врежу ему как следует. – Крис выразительно изогнул бровь. – У меня это неплохо получается, особенно если невтерпех заняться чем-то более приятным. – По губам его скользнула усмешка. – Например, тобой. – Он выбрался из машины до того, как я успела ему помешать. При мысли о том, что ему предстоит бродить там в темноте одному, мне стало как-то не по себе. Я поспешно выскочила из машины и догнала его, когда он отпирал багажник.

– Женщина...

– Командовать будешь в другой раз. Послушай, Крис, я не останусь в машине. Ты смотрел «Пятница, 13»? Одну из девушек Майкл зарезал как раз в машине.

– Майкл – это убийца из «Хэллоуина». А в «Пятница, 13» убийцу звали Джейсон.

– Не важно, главное, одна из девушек была убита в машине. Так что я тут одна не останусь.

Крис захлопнул багажник. В руке у него был тяжелый фонарик из какого-то серебристого металла.

– Думаешь, отправиться в темный гараж с парнем, у которого в руке фонарик, безопаснее?

– Я пойду с тобой, Крис, – уперлась я.

– Сара...

За нашей спиной вспыхнули фары. Мы обернулись – на стоянку въехал грузовичок.

– Похоже, явились ремонтники.

Грузовик припарковался позади нас. Скрип гравия под чьими-то ногами заставил меня повернуть голову. От здания, где размещался офис соседнего с помещением склада, по дорожке шел человек в оранжевой спецовке.

– Это и есть тот тип, что тебя напугал? – шепнул Крис.

Я замотала головой.

– Нет. Это не он. – Тот был лет на двадцать старше. Правда, лицо у него было сердитое, но ничего зловещего в его облике не было. Я покосилась на Криса. – Наверное, сначала нужно было заглянуть в офис. – Меня начали терзать сомнения. Может, всему виной мое разгулявшееся воображение, и все это мне просто померещилось?

Крис притянул меня к себе. Я со вздохом прижалась к нему, обхватив его руками. К ночи похолодало, а он был теплый, как печка.

– Не делай этого, – предупредил он.

– Чего именно?

– Если тебе кажется, что ты в опасности, если твоя интуиция подсказывает, что тебе что-то угрожает, прислушайся к этому.

– А если речь идет всего лишь о случайном отключении электричества?

– А что ты имеешь в виду под «случайным»?

– Не знаю. Не во всем городе, а только здесь. Короче, не знаю.

– Ладно, потом разберемся. – Его ладонь легла на мое бедро. В этом жесте было что-то собственническое. Что-то, что подсказывало мне довериться ему.

– Эй, ребята, могу я вам помочь?

Мы одновременно обернулись – позади нас стоял давешний мужчина в спецовке. Я еще удивилась, как быстро он оказался рядом с нами. Впрочем, возможно, в объятиях Криса время течет незаметно. Крис неохотно разжал руки – не могу сказать, что меня это обрадовало.

Крис продемонстрировал мужчине фонарик.

– Свет погас до того, как мы успели запереть контейнер. Хотели убедиться, что все в порядке, прежде чем уехать.

Мужчина поскреб подбородок.

– Да? А я и не знал, что кто-то остался внутри, когда вырубился свет. Вообще-то я зашел глянуть – думал, может, кому-то нужна помощь.

– Внутри была я, – пришлось мне признаться. – Вообще-то мне было не до смеха. Кто-то захлопнул входную дверь – еле-еле выбралась оттуда.

Мужчина насупился.

– Входная дверь была открыта, мэм. Точно вам говорю. Я помню, что она оставалась открыта, когда я зашел внутрь.

– Потому что это я ее открыла, – не скрывая раздражения, отрезала я. Мог бы, кажется, и сам догадаться!

– У вас есть внутри камеры? – вмешался Крис.

– Есть, – кивнул мужчина. – Но нет электричества, нет и камер.

– Наверняка система безопасности работает от запасного генератора, – возразил Крис.

– У нас тут все попросту, мистер. Уж не взыщите.

Крис нахмурился.

– Возможно, пора это изменить. А что было бы, если бы она покалечилась в темноте?

– Что-то не припомню, чтобы такое раньше случалось, – проворчал мужчина.

Крис открыл было рот, собираясь что-то сказать, но потом захлопнул его, сердито поджав губы.

– Ладно. Мы только запрем контейнер и сразу уедем.

– Номер 112, – добавила я.

Мужчина снова поскреб подбородок.

– Ладно, идет. Кстати, это вы со мной говорили по телефону. Смотрю, этот контейнер у меня все еще в списке. Просрочили с оплатой, да?

– Но менеджер обещал подождать неделю.

– Да, только это было две недели назад, – отрезал он. – Кстати, это был я.

– Мы заплатим, – вмешался Крис. – За месяц вперед.

Я поморщилась.

Повернувшись к нему, я бросила на него выразительный взгляд – Крис притворился, что не заметил, хотя я знала, что это не так. Игнорируя меня, он обратился к мужчине: – Давайте, мы сходим запрем контейнер, а потом вернемся в офис и расплатимся. Идет?

– Вот это другой разговор! – обрадовался тот.

Крис взял меня за руку.

– Не спорь, – шепнул он.

– Мне не нравится, что ты платишь за меня, – проворчала я, пока мы шли к складу.

– Это можно пережить.

– И еще мне не нравится, когда ты начинаешь меня опекать.

Крис покосился на меня.

– Это после твоих-то сегодняшних приключений? – хмыкнул он.

– Притворюсь, что не слышала этого. Уверена, что тебе не хотелось бы, чтобы я постоянно казнилась из-за глупости, которую сделала. Это на тебя не похоже.

– Не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

– И не случится. Я в порядке. И рассчитываю скоро получить из галереи чек, который поможет мне оплатить аренду склада. Сказать по правде, я надеялась уговорить их дать мне отсрочку.

– Ну, теперь в этом нет нужды, – пожал плечами Крис. – А что ты думаешь насчет своей работы в школе?

– Не пытайся переменить тему.

– Ты не ответила на мой вопрос.

– У меня еще есть время, чтобы подумать. – Сказать по правде, я понятия не имела, насколько он знаком со школьной системой. Вряд ли Крис знал, как основательно нам урезали бюджет – ведь он полгода проводил в Париже. – Вот уже второй год в старших классах увеличили учебные часы, но при этом сократили школьный год. Занятия начнутся не раньше октября.

Мы остановились у входа на склад. Крис включил фонарик.

– В школу ты не вернешься. Поэтому просто предупреди, чтобы они успели подыскать тебе замену.

– Сейчас еще рано говорить, – уклончиво пробормотала я. Мы стояли на пороге, и темнота уже понемногу начинала обволакивать нас. Я невольно придвинулась поближе к Крису и уцепилась за его руку. – Давай побыстрее покончим с этим и уберемся отсюда. Хватит разговоров!

Крис поводит фонариком из стороны в сторону. Мы сделали пару шагов, и я снова услышала тот самый звук, что перепугал меня до полусмерти, когда я была тут одна. Щелк. Щелк. Сердце ухнуло в пятки.

– Что это?

Крис направил луч фонарика вбок – послышался слабый треск, а потом опять знакомый щелчок. Нахмурившись, Крис посветил на стену у самого пола, где находилась розетка, потом подтолкнул меня вперед. Кружок света выхватил из темноты розетку – проследив за его взглядом, я заметила канцелярскую скрепку, которую чья-то рука затолкала в отверстие.

У меня подкосились ноги.

– Вот тебе и ответ на вопрос, что я называю «случайным отключением». – Наши взгляды встретились. – Нужно убедиться, что из контейнера ничего не пропало.

Взяв за руку, Крис повел меня за собой. Дверь контейнера оказалась закрыта.

– Держу пари, тот парень, с которым мы только что разговаривали, запер ее, когда обходил здание.

Ну да. Конечно. Звучало логично.

– И все-таки я бы предпочла заглянуть внутрь.

Рывком подняв дверь, Крис водил фонариком, пока кружок света не наткнулся на кипу рассыпанных по полу бумаг.

– Это я уронила, – пробормотала я, уже не пытаясь скрывать охвативший меня страх.

– Они тебе нужны?

– Нет. – Сейчас я хотела только одного – поскорее убраться отсюда. – Это подождет.

– Все остальное на месте?

– Вроде да. Не похоже, чтобы тут кто-то рылся. – Если, конечно, этот «кто-то» не знал точно, где лежит то, за чем он явился сюда, подсказал ехидный голосок у меня в голове. Может, он явился, чтобы забрать тетрадки? Читая дневники в первый раз, я еще тогда удивлялась, что в жизнеописании Ребекки тут и там зияют прорехи – некоторые моменты, включая ее появление в галерее и внезапный уход из нее, почему-то были опущены. Не знаю, как я не заметила этого раньше. Ребекка многие годы вела дневник – она была слишком аккуратна, чтобы выбросить из жизни целые куски. И если я права, выходит, должна быть по крайней мере еще пара тетрадок – было бы логично, если бы они лежали тут вместе со всеми. А может, и лежали, мелькнуло у меня в голове. До сегодняшнего вечера.

Прошло полчаса. Я стояла, прислонившись к стене крохотного, размером со спичечный коробок, офиса склада, отрешенно наблюдая, как Крис разговаривает с менеджером. Пусть мой Темный Принц делает что хочет – только бы поскорее уйти отсюда, тупо твердила я. Я очнулась, как раз когда Крис умудрился договориться о бесплатной аренде на месяц. Впрочем, меня это не удивило – я слышала, как перед этим Крис припугнул менеджера, угрожая подать в суд из-за опасности, которой я подверглась на складе.

Опасность. Это слово, словно ватка с нашатырем, мигом вернуло меня к действительности. Я напомнила себе, что Крис печется о моей же собственной безопасности. И хотя знать, что есть человек, который о тебе заботится, было приятно, все же я предпочла бы, чтобы он лишний раз не упоминал о том, какого страха я натерпелась на складе – в конце концов, запугать себя окончательно я могла бы и без его помощи. Мое не в меру живое вооб-

ражение тут же заработало, угодливо рисуя мне картины того, чем все могло закончиться. Если на складе меня подстерегала опасность, то где гарантия, что все уже позади и мне ничего не грозит? Во что, черт возьми, я вляпалась? Вернее, сначала Ребекка, а следом за ней и я. Я принялась машинально перебирать в памяти все, что случилось на складе, пытаюсь представить себе то одну развязку этой истории, то другую – сказать по правде, ни одна меня не порадовала. Больше всего меня поражало, почему все решили, что Ребекка сбежала с каким-то красавчиком? Почему никому и в голову не пришло ее искать?

Внутренности тут же словно стянуло в тугой узел, и мысли мои обратились к Элле. Ее молчание я списала на счет медового месяца. Любовь, страсть и все такое – естественно, подруге было не до меня. Когда речь шла об Элле, подобный вывод напрашивался сам собой. Устав от одиночества, изголодавшись по любви, она искала мужчину, которому сможет принадлежать душой и телом. Все это делало ее легкой добычей. Раньше мне как-то не приходило в голову, что окажись на ее пути не тот человек, он мог бы легко этим воспользоваться.

Я вдруг поймала себя на том, что хочу немедленно услышать ее голос. Если выяснится, что она забыла обо мне в угаре медового месяца, что ж, я поворчу на нее и с легким сердцем повешу трубку. В сущности, я единственная, кто ее хватится. Элла тоже знает, что есть человек, который о ней беспокоится. Я знаю, что она это знает, и это очень важно для меня.

Я отлепилась от стены, вытащила из кармана куртки телефон и незаметно выскользнула на улицу. Однако не стала сворачивать за угол, а благоразумно осталась возле стеклянной двери, где меня мог видеть Крис и откуда я тоже могла видеть его. Я, конечно, могла совершить глупость, но только однажды. Два раза подряд – это уже перебор. Холод ударил мне в лицо, но мне было не до этого.

Лихорадочно набирая номер Эллы, я молилась про себя, чтобы она взяла трубку. Ответом мне были короткие гудки. Я приложила телефон ко лбу. Идиотка, почему не записала другой ее номер, ругала я себя. Ну и что теперь делать? Мне даже не было точно известно, когда она собиралась вернуться в город. Немного остыв, я решила, что завтра прямо с утра позвоню в клинику, где работал ее новоиспеченный супруг, и выясню, когда он возвращается.

Дверь распахнулась, и на пороге появился Крис. Не знаю, как такое возможно, но всякий раз, увидев его, я чувствовала одно то же – как его появление заполняет пустоту в моей душе.

Подойдя, он встал так, чтобы загородить меня от ветра. А может, заодно и от всего остального мира. От этого человека исходило ощущение спокойной уверенности и силы – никто никогда не разговаривал со мной, как это делал он.

– Как дела? – поинтересовался Крис. Я чувствовала на своем лице испытующий взгляд его зеленых глаз, которые, как всегда, видели больше, чем мне хотелось бы. – С тобой все в порядке?

Я приложила руку к его щеке, снова почувствовав кончиками пальцев колкую светлую щетину.

– Будет в порядке – когда мы наконец уйдем. – Моя рука упала. – Ты спросил менеджера насчет той скрепки?

– Да. Он грешит на мальчишек, которые повадились шастать тут по ночам. Вандалы, черт бы их побрал.

– Вот, значит, как? – Меня захлестнула злость. – Значит, он уверен, что это сделали подростки?

– Сара, этот парень просто прикрывает свою задницу. – Рука Криса обхватила меня за талию, скользнула вниз и чуть заметно сжала ягодичцы. – А я собираюсь отныне прикрывать твою. Ты будешь сидеть под арестом у меня дома, пока сыщик, которого я нанял, не скажет, что тебе нечего больше бояться. Что никто, кроме меня, не сможет до тебя добраться. – В

голосе его появилась чувственная хрипотца. – А до этого момента ты целиком и полностью будешь в моей власти.

Этот собственнический жест, манера говорить... от него кружилась голова и по спине пробегала восхитительная дрожь. Я собиралась отдать себя Крису – человеку, который использует меня, который, возможно, уничтожит меня как личность. Мысль о том, чем это кончится, конечно, приходила мне в голову, но я решительно отмела ее. Сейчас по крайней мере он делал все, чтобы спасти меня. И я готова была принадлежать ему. И кто бросит в меня камень за это?

Глава 4

Заскочив ненадолго к себе, я поспешно пересела в свою машину и поехала за Крисом к нему домой. И вдруг поймала себя на том, что мне что-то мешает. Поразмыслив, я списала это на счет последних событий – оказавшись в тесном и темном контейнере, я запаниковала, и моя клаустрофобия, уловив удобный момент, моментально напомнила о себе. Возможно, из-за этого я никак не могла решить, что из вещей следует взять с собой. Вид Криса, нетерпеливо топтавшегося возле дверей, естественно, несколько не облегчал задачу. Ощущение было такое, будто мы оба чувствовали, что делаем что-то не так.

Неподалеку от подъездной дорожки, ведущей к дому Криса, он остановился на светофоре. Пристроившись сразу за ним, я воспользовалась возможностью, чтобы в очередной раз попытаться дозвониться до Эллы. И опять ответом мне были частые короткие гудки. Вынужденная признать собственное бессилие, я окончательно пала духом.

Мое воображение услужливо подсовывало мне картины того, что могло случиться с ней, пока я благоденствовала в Штатах, – одну страшнее другой. Безусловно, вспомнилось мне и сегодняшнее происшествие на складе, где я задыхалась, оказавшись запертой в контейнере. Я зябко передернула плечами. Вероятно, пережитый ужас наложил свой отпечаток на мои мысли. Спohватившись, я вдруг сообразила, что сижу в машине возле дома Криса, и возле меня маячит недоумевающий швейцар, хотя как я доехала туда, одному Богу известно.

Прихватив сумочку, я выбралась из машины и затопталась перед зданием, больше напоминавшим роскошный отель, чем обычный жилой дом. Одного взгляда на него оказалось достаточно, чтобы напомнить мне, что Крис просто купается в деньгах. В очередной раз подивившись тому, насколько скромно он при этом держится, я поблагодарила швейцара и двинулась к Крису.

– Твоя сумка осталась в багажнике, – напомнил мне Крис. Появившийся словно из-под земли носильщик открыл багажник. Кожаная куртка Криса распахнулась – я увидела черную футболку, под которой бугрились мускулы, и все страхи разом вылетели у меня из головы. Я могла думать только о том, что скоро окажусь в его объятиях.

– Позвольте мне, – услужливо предложил швейцар.

– Не нужно, я сам. – Крис подхватил сумку. Я догадалась, что ему просто не хочется, чтобы нас беспокоили, и мысленно похвалила его. Тут я была с ним полностью солидарна.

Догнав Криса, я пристроилась сбоку, ничуть не удивившись тому, как мне уютно, когда он рядом. В его присутствии я ощущала себя такой живой, мне было так легко и свободно, как ни с кем и никогда до этого. Собственно, именно это в первую очередь и привлекало меня в нем. Ну и конечно, то, что с ним я могла побывать в таких местах, куда и мечтать не могла попасть.

Мы зашли в просторный холл – полированные мраморные плиты пола создавали ощущение, что ступаешь по тонкому льду, а глядя на роскошную мебель, можно было подумать, что оказался в гостиной какого-нибудь роскошного особняка. Сидевший за конторкой Джейкоб, тот же охранник, что дежурил и в прошлый мой визит, смахивал на одного из персонажей фильма «Люди в черном». Лицо его, как и всегда, напоминало высеченную из камня маску, однако в глазах при виде меня промелькнуло нечто вроде одобрения.

– Рад снова видеть вас, мисс Макмиллан, – кивнул он.

– Мисс Макмиллан останется тут на неделю, пока я буду в отъезде. Я хочу, чтобы вы присмотрели за ней.

Лицо Джейкоба снова обрело каменную невозмутимость, потом наши взгляды встретились, и он едва заметно кивнул.

– Я в вашем распоряжении, мисс.

– Спасибо, Джейкоб, – с искренней признательностью пробормотала я. Было что-то такое в этом парне, отчего вы сразу проникались к нему доверием. Может, потому, что я чувствовала, что Крис полностью ему доверяет – а я уже успела убедиться, что подобное для него редкость.

Мужчины обменялись несколькими ничего не значащими фразами, и мы с Крисом вошли в лифт. И тут я непонятно почему занервничала. Я и до этого бывала у Криса, но за последние дни столько всего случилось... Не знаю, чего я ожидала – ну, помимо очередного сюрприза со стороны Криса, – но меня вдруг затрясло.

Я прислонилась к стене – наши глаза встретились, и как я ни старалась взять себя в руки, все оказалось напрасно.

– Когда ты будешь в Париже, я смогу дозвониться до тебя, если мне вдруг захочется поговорить?

Глаза Криса сузились и потемнели.

– Я не планирую в ближайшее время никуда уезжать, Сара.

От его слов во мне будто что-то перевернулось. Наверное, потому, что это означало новый поворот в наших отношениях. На этом фоне мысль о грядущей ночи приобрела несколько другой оттенок. Мне не хотелось, чтобы он это заметил, поэтому я уставилась в пол, стараясь не думать о том, что он сказал, но фраза Криса не выходила у меня из головы. В ближайшее время... А потом он все-таки уедет. Но ведь сейчас мы нужны друг другу, твердила я себе, двое людей с надломленной психикой, которых до сих пор не связывало ничего, кроме общих радостей в постели. Я гадала, почему теперь вдруг мне стало этого недостаточно, если всего пару дней назад это полностью устраивало.

Лифт остановился перед дверями в квартиру, и мой взгляд метнулся к Крису. Он молча разглядывал меня с непроницаемым выражением лица. Пospешно отведя взгляд в сторону, я вышла из лифта и направилась к дверям квартиры. При виде огромного окна, занимавшего чуть ли не всю противоположную стену, за которым полыхало зарево огней ночного города, меня мгновенно бросило в жар – я вспомнила, как Крис прижал меня спиной к стеклу, вспомнился мой страх при мысли, что оно хрустнет под моей тяжестью, и я вылечу наружу. Но страх почти сразу же сменился уверенностью, что пока я с ним, ничего подобного не может случиться. А еще мне вспомнилось, как он не отпускал меня до тех пор, пока я не забыла обо всем. Я вдруг поймала себя на том, что мечтаю, чтобы это повторилось снова. Потому что сейчас мне нужно именно это.

– Сара, – мягко окликнул Крис.

Я обернулась.

– Моя подруга – ну, та, о которой я тебе рассказывала, – смущенно объяснила я. – Она собиралась провести медовый месяц в Париже. И я не могу до нее дозвониться. Все время занято.

Крис поднял брови. Я догадывалась, что он собирался навести меня на разговор о том, что случилось в лифте, но, по-видимому, передумал.

– Может, она забралась в какую-то глушь. Такое не редкость – турфирмы частенько возят туда туристов.

Мы так и стояли возле лифта – наверное, это выглядело глупо, но у меня было такое чувство, будто я не знаю, куда идти. В гостиную? В спальню?

– Да, возможно, – пробормотала я. Иногда простой ответ – самый верный. – У нее медовый месяц – было бы логично попутешествовать по стране, верно?

– А с чего это ты вдруг так забеспокоилась?

– Да нет, не вдруг, просто... О Ребекке ведь тоже никто не беспокоился, а Элла... За нее некому волноваться, кроме меня.

Повисло тягостное молчание. Я уже открыла было рот, чтобы вытянуть из него те слова, которые хотела услышать. Но Крис меня опередил:

– У тебя есть я. Ты ведь это знаешь, верно?

Я с трудом проглотила вставший в горле комок.

– Да. Знаю. – Мой внутренний детектор лжи тут же протестующе запищал. – Во всяком случае, очень надеюсь.

В глазах Криса блеснуло понимание – я догадывалась, что он читает в моей душе, как в открытой книге, – видит даже то, что я старательно скрываю от него. Потом он притянул меня к себе и нежно поцеловал.

– Ничего, я сделаю все, чтобы в следующий раз это было правдой. – Он ласково провел рукой по моим волосам. – И это случится еще до утра. А теперь марш в спальню. В конце концов, я всю ночь только и думал о том, чтобы затащить тебя туда. – Шлепнув по мягкому месту, Крис подтолкнул меня к спальне.

Вместо того чтобы возмутиться этим чисто мужским стремлением командовать, я была на седьмом небе от счастья. Понятия не имею почему – ведь я годами яростно отстаивала собственную независимость, а мужчины, обожающие распоряжаться всем и вся, бесили меня до белого каления.

Переступив порог спальни, я вдруг почувствовала, что земля уходит у меня из-под ног. Голова стала пустой и легкой – все мысли исчезли, остался только жар, от которого плавись кости. Еще одна странность – ведь далеко не в первый раз Крис приводил меня сюда. Я уставилась на стоявшую на возвышении огромную кровать, даже не кровать, а королевское ложе, сулящее мне неизведанные наслаждения. Только негромкое жужжание вибровозонка, раздавшееся из-за соседней двери, вернуло меня к действительности. Скорее всего служба доставки, сообразила я, зная, что за дверью находится кухня размером с небольшое летное поле.

– Вероятно, это оставленные для меня сообщения, – услышала я за плечом голос Криса. Бросив сумку у подножия кровати, он направился к двери. – Я сейчас. – Он кивнул на открытую дверь в ванную. – Туалет тоже там. Словом, квартира в твоем распоряжении. Будь как дома.

Хорошо сказано. Неужели Крис дает понять, что, оставив тут одну, он готов пустить меня в свою жизнь... посвятить в свои тайны? Да... это уже не просто оливковая ветвь. Это целое дерево.

Я плюхнулась на ступеньку рядом с дорожкой сумкой от Луи Вьюиттон, которую Крис купил мне, когда мы ездили в Напа на выходные, расстегнула молнию, потом стащила с плеча сумочку и аккуратно поставила ее рядом с дорожной сумкой. Внутри, на самом верху, лежали дневники и коробка, которые я прихватила из контейнера, где хранились вещи Ребекки. Оставить их в своей квартире я не решилась – что-то подсказывало, что так они могут попасть не в те руки. Эти тетради хранили секреты Ребекки – а может, и не только ее. Я собиралась упаковать их в коробку и убрать в кладовку в комнате Криса. И тут мне вдруг неожиданно вспомнилось одно место из ее записей...

Схватив лежавшую на самом верху тетрадку, в которой торчала закладка, я пересела, устроившись так, чтобы меня не было видно от двери, подтянула колени к подбородку и углубилась в чтение – пробежала глазами запомнившийся мне абзац и зябко поежилась. Каждое слово было словно соль на рану. Это был мир Криса...

Я даже не сразу заметила, как он вошел – просто подняла глаза и увидела его, стоявшего в двух шагах. Я почувствовала его каждой клеточкой своего тела еще до того, как успела убедиться в его присутствии. Конечно, я догадывалась, что должна сделать, но... мне было страшно. Я твердила себе, что это не так. Уверяла Криса, что это не так. Но это была ложь. Мне было страшно.

Крис опустился передо мной на колени, и хотя он не смотрел на тетрадь, которую я держала в руках, этот дневник нужен был нам сейчас, как собаке пятая нога. Он уже избавился от куртки – взгляд мой невольно задержался на яркой татушке в виде дракона у него на правом предплечье. Я машинально потрогала ее. Ведь это неотъемлемая часть его – его прошлого, его боли. Мне вдруг остро захотелось тоже стать частью его – возможно, это помогло бы мне лучше понять Криса.

– Что бы ты ни прочитала в этом дневнике, это не имеет никакого отношения к нам обоим.

В горле застрял комок. Я старалась не смотреть Крису в глаза – вместо этого осторожно обводила кончиком пальца фигурку дракона. Крис сцепил руки на коленях, мышцы задвигались, и мне вдруг показалось, что дракон угрожающе расправил крылья.

– Но ведь имеет, – прошептала я.

– Нет.

Оставалось только прочитать ему это место из дневника, иначе он бы так ничего и не понял. С трудом оторвавшись от созерцания дракона, я отыскивала глазами нужное место в дневнике Ребекки.

– «Словно шипы на стеблях роз, которые он так любил мне дарить, ремни флоггера¹ врезаются в мою спину. Я приветствую эту боль, избавляющую меня от мыслей о том, что я потеряла, о том, что видела и что делала, от раскаяний и сожалений. Он дарит ее мне. Он – мой наркотик. Боль – мой наркотик. Она пронизывает меня, и я не чувствую ничего, кроме жгучих укусов кожи и мягкого шелка тьмы, в которую погружаюсь с головой. А потом меня захлестывает наслаждение».

Отобрав у меня дневник, Крис бросил его на ночной столик. Мне показалось, что его лицо смягчилось.

– Если бы не эти дневники, которые привели тебя ко мне, я бы, наверное, проклял тот день, когда они попали в твои руки. – Обхватив мое лицо ладонями, он заставил меня поднять на него глаза. – Послушай, ты ведь не Ребекка. И между нами никогда не было и никогда не будет отношений вроде тех, что связывали ее и Марка.

– Марка?

– Да, Марка.

– Почему ты так уверен в этом?

– Потому что он не может быть счастлив, просто общаясь с теми, кто принимает и понимает подобный образ жизни. Ему непременно нужно втягивать в это тех, кто не является частью этого мира, дрессировать их, превращая в своих покорных рабов. Это дает ему ощущение собственной власти.

У меня к этому времени накопилось уже немало вопросов о Марке, но сейчас для этого не было времени. Я пыталась понять, куда это меня заведет, когда речь идет о Крисе.

– Ты тоже... кого-то дрессировал, чтобы превратить в раба? Мужчинам это свойственно.

Крис потер подбородок, потом смущенно провел рукой по обтянутой тугими джинсами ноге, слово смахивая невидимую пылинку.

– Прекрати. Зачем ты так поступаешь с собой... с нами?

– Стало быть, ответ – да, – с трудом шевеля губами, едва слышно прошептала я. Неужели именно так он и собирается поступить со мной? Смущает ли меня мысль о том, куда это нас заведет? Да и понимаю ли вообще, чем это может закончиться?

– Нет, Сара. Ответ – нет. Я – не Марк. Отношения «господин и раб» – это не для меня. Слишком большие обязательства это накладывает – а я не желаю брать на себя ответствен-

¹ Флоггер (многохвостка) – плетъ, состоящая из нескольких (от 10 до 80) кожаных ремешков.

ность за чью-то судьбу. Даже если речь идет всего лишь об одном человеке. Я, так сказать, решил проблему и двинулся дальше.

Решил проблему. Удивительно удачный выбор слов, огорченно подумала я. Боже мой... я ведь едва знаю человека, который произносит эту фразу и который живет именно так, как говорит. Но этот человек – Крис, и это приводит меня в растерянность.

– И что это значит?

На скулах Криса заходили желваки.

– Послушай, Крис, я просто стараюсь понять.

Крис опустил глаза, черты лица его как будто заострились.

– Там есть и другие комнаты, где можно уединиться, – снизошел он до объяснений, чем немало меня удивил. – Если хочешь, можешь надеть маску – я лично надевал. Мне не нужны ни лица, ни имена.

При мысли о том, что там происходит, меня бросило в жар.

– Никогда?

– Это не в моих привычках, Сара. Другого ответа у меня нет.

Крис не сказал «никогда», и я попыталась нажать на него, пытаюсь понять, как его прошлое может повлиять на наши отношения.

– И все-таки я здесь.

– Я ведь уже говорил тебе. Из-за тебя я и так уже нарушил немало собственных правил, которые считал неизблемыми.

– В чем же я виновата?

– Да вовсе ни в чем. Я стремлюсь к тебе. Разве этого мало?

Та часть меня, которая до сих пор терзалась сомнениями, которая не могла поверить, что такой одаренный и известный человек хочет именно меня, по-прежнему отказывалась это принять, но... я уже готова была сдаться. Крис стал для меня избавлением... стал моим убежищем. Думаю, он пытался мне сказать, что и сам чувствует в отношении меня нечто подобное, но я знала и другое – что мы обманываем друг друга и самих себя, если закрываем глаза на остальное.

– Ты не можешь просто сделать вид, что ничего не было, Крис. Не можешь встречаться со мной и быть тем, кем оставался до меня. Я стремлюсь понять... и стать частью этого.

– Нет. Не нужно.

– Но ведь вчера ты сам взял меня в тот клуб. Значит, ты хотел, чтобы я что-то поняла.

– Нет. Я хотел, чтобы ты поняла, куда бы тебя повез Марк и почему я намерен сделать все, чтобы этого не случилось. Ребекка не была частью этого мира – ты ведь сама прочла в ее дневнике, как это было для нее мучительно.

– Ты говорил, что я тоже не являюсь частью этого мира, – пробормотала я, с трудом проглотив это слово.

– Ты – нет. – Крис сжал зубы. – Именно поэтому я и пытался сначала предупредить тебя, а потом попытался сбежать.

Желудок будто стянуло тугим узлом.

– И сейчас можешь, еще не поздно. – Я попыталась встать. Меня вдруг захлестнуло острое желание бежать отсюда, искать спасения – потому что на этот раз Крис не мог мне его дать.

Сжав мои руки, Крис притянул меня к себе, охватил коленями.

– Вот ты о чем. Нет, не могу... и даже пытаться не стану. И ты не должна, слышишь. – Лицо его смягчилось. Кончиками пальцев он осторожно приподнял мне подбородок. – Ты теперь часть меня, малышка. Внутри меня. А я снаружи. Мы как сиамские близнецы. И будь я проклят, если позволю тебе разорвать эту связь.

От этих слов решимость моя разом ослабла. Я ласково коснулась его лица.

– Неизвестное всегда пугает, Крис. Тебе, наверное, это необходимо – наслаждение вместе с болью, – но я не могу этого понять, и это меня убивает. Если хочешь, чтобы я поняла, помоги мне.

– Ты все и так понимаешь, Сара. Понимаешь больше, чем знаешь. Больше, чем мне хотелось бы. – Его губы нашли мой рот. Я догадывалась, что Крис считает тему исчерпанной, что дразнящие прикосновения кончика его языка к моим губам, руки, скользящие по моему телу, говорят о его желании поставить точку в наших отношениях. Но я не могла. Мне претила сама мысль о том, чтобы покорно подчиниться, позволить заткнуть себе рот поцелуями, потому что именно страсть, сжигавшая меня, требовала, чтобы я постаралась наконец понять его.

– Нет, – выдохнула я, отбиваясь. Наши взгляды встретились, и мне стало нечем дышать. – Помоги мне понять тебя, Крис, – потребовала я, хорошо понимая, что это и есть та самая *terra incognita*, уголок души, которую он тщательно скрывает от меня и куда при этом он страстно желает меня впустить. Туда-то нам и нужно было попасть... туда мы и стремились все это время. Как все сложно в этом мире!

Глава 5

– Хочешь понять? – понизив голос, спросил Крис. В глазах его я прочла вызов.

– Не то чтобы хочу, Крис. Но мне это нужно... важно понять.

Какое-то время он молчал, видимо, обдумывая мои слова, потом его зеленые глаза вспыхнули.

– Что ж, тогда раздевайся.

После минутного колебания я решила, что его приказ, в сущности, имеет самое прямое отношение к сделке, которую я намеревалась с ним заключить. Что ж, ладно. Поднявшись на ноги, я направилась к возвышению, на котором стояла кровать – Крис остался сидеть, где сидел, только привалился к ней спиной. Несмотря на власть, которую он надо мной имел, а может, как раз из-за нее, в том, чтобы раздеваться у него на глазах, было что-то невероятно сексуальное. И это «что-то» одновременно делало меня еще более уязвимой. Это было своего рода актом доверия – при мысли о том, ради чего он приказал мне раздеться, внутри у меня все сжималось от страха. Я решила... решила, что Крис хочет быть уверенным, что я готова открыться ему, что теперь, когда он уже открыл мне темные стороны своей души, я по-прежнему готова ему принадлежать.

Да, я готова. Меня вдруг пронзило острое желание немедленно это доказать.

Подняв руки, я стащила с себя футболку и зашвырнула ее в угол. В рот при этом тут же попала прядь моих довольно длинных каштановых волос. Я отбросила их за спину, заметив при этом, что взгляд Криса остановился на моих губах. Внизу живота стало горячо – я догадывалась, что он пытается представить, как мои губы блуждают по его телу, а это было как раз то, о чем я сама мечтала. Но последнее слово всегда оставалось за ним – именно Крис всегда решал, что мне можно делать, а чего нет. Я мысленно поклялась, что сегодня все будет по-другому. Сначала, может быть, да, но потом нет... потом все будет по-моему. До того как он уедет в Лос-Анджелес, я непременно попробую его на вкус – именно там, где захочу. Я старалась не спешить. Ведь утром он уедет на неделю, а между нами оставалось еще много недосказанного. Слишком много.

Прежде чем я стянула с себя последнюю деталь одежды, я уже успела убедить себя, что стриптиз явно не входит в число моих талантов. Поэтому если я хочу, чтобы все было по-моему, а не наоборот, придется над этим поработать. А сейчас я просто хотела его, и все. Хотела, чтобы мы разделись вместе, чтобы между нами не осталось никаких барьеров. Важно было убедить его, что я собираюсь постигнуть его до конца, иначе нам трудно будет поддерживать отношения. Потому что жизнь уже дала мне понять, что такого чувства, которое вспыхнуло между нами, попросту не существует... хотя мне очень хотелось верить, что чудеса иногда случаются.

– Иди сюда, – велел Крис низким, чуть хриловатым от нетерпения голосом, едва я стянула с себя трусики. Его нетерпение мгновенно передалось и мне, хотя до сих пор иной раз не верилось, что я возбуждаю в нем желание. В моих глазах Крис был эталоном всего, что я мечтала найти в мужчине – сильный, властный, уверенный в себе и в своем будущем. Наверное, именно поэтому я все время пыталась понять, почему я вызываю в нем такое жгучее желание. Одна мысль об этом делала меня сильнее.

Подойдя к нему, я позволила Крису усадить меня к себе на колени, почувствовав при этом его затвердевшую плоть. Мне не нравилось, что он по-прежнему оставался одетым, но я уже поняла, что это позволяет Крису держать себя в руках. Как поняла и то, что в моем присутствии он терял голову и таким нехитрым способом пытался исправить ситуацию.

– Сцепи пальцы за спиной, – велел он.

В моей крови забурлил адреналин, сердце гулко забилося. Да... это была очередная попытка Криса показать, кто здесь главный, но это стремление говорило о многом. О том, о чем он даже не догадывался. Что он обычно предпочитал скрывать. А то, что меня самую мучило острое желание заставить его это сделать, открывало новое во мне.

Заведя руки за спину, я вглядывалась в него, пытаюсь отыскать хотя бы намек на какое-то чувство, но лицо его оставалось непроницаемым. Потом пальцы Криса сомкнулись на моих запястьях, взгляд остановился на моей обнаженной груди. Воздух вокруг нас буквально искрился, как бывает только перед грозой. Потом Крис поднял на меня глаза.

– Сцепи пальцы за спиной, детка, – хрипло пробормотал он.

Я послушалась. В ту же минуту его губы смяли мой рот поцелуем, которого я так долго ждала. Мне сразу стало нечем дышать – я сидела не шевелясь, задержав в легких воздух и слушая собственный обезумевший пульс, потом вскрикнула, когда он больно прикусил мою нижнюю губу. Я попыталась разжать руки, однако Крис крепко держал меня, пока кончиком языка раздвинул мне губы. Потом я почувствовала, как он слегка лизнул распухшее место – язык его скользнул в мой рот, и из груди моей вырвался стон.

– Боль, – объяснил он, когда я вновь обрела способность дышать. Руки Криса по-прежнему лежали у меня на плечах. – Та самая боль, что становится наслаждением. – Его взгляд прожег меня насквозь. – А теперь сцепи пальцы.

Вся дрожа, я молча кивнула – опасаясь сказать лишнее, опасаясь, что окно, которое он приоткрыл для меня, вдруг снова захлопнется. Его ладони гладили мои руки, поднялись к плечам, потом спустились вниз, скользнули к груди – обхватив пальцами мои соски, он сжал их, сначала слегка, потом все крепче, и я задрожала от возбуждения. Он тянул и скручивал нежные напрягшиеся бугорки, и ощущения были настолько острыми, что я невольно зажмурилась.

– Смотри на меня, – приказал Крис. – Хочу видеть, что ты чувствуешь.

С некоторым усилием мне удалось разомкнуть веки, словно налившиеся свинцовой тяжестью – янтарный огонек в его зеленых глазах был не менее порочным, чем его прикосновения. И дело было даже не в том, что Крис проделывал со мной – в его словах, в том, как он подчинял меня себе, было что-то невероятно сексуальное.

Он потирал и мял мои соски, нежно и в то же время грубо, посылая тысячи обжигающих сполохов боли и наслаждения, стекавших по моему телу прямо к низу живота. Я застонала. Сердце стучало высоко в горле, словно намереваясь выпрыгнуть из рта. Изогнувшись, я потерлась о его бедра, чувствуя твердую выпуклость, распиравшую джинсы Криса.

Губы его прижались к моему уху, пощипывая нежную раковинку. Это бережное прикосновение являло разительный контраст с грубостью, с которой он продолжал терзать мои соски. У меня уже не оставалось сил это терпеть. Мне хотелось прикоснуться к нему, но я боялась, что он остановится, и думать об этом было невыносимо. Мне хотелось большего – я была уже вся мокрая, все у меня болело, и я думала... Ооо... все мое тело свело судорогой, и я подумала... о нет... что я сейчас кончу.

За секунду до того, как я содрогнулась, его руки соскользнули с моей груди, удерживая мои руки за спиной, и что-то подсказывало мне, что это не случайно. Крис нарочно подвел меня к пику наслаждения, а потом заставил остановиться. Я извивалась всем телом – мне хотелось кричать от разочарования и невозможности получить то, в чем мне отказывали.

Крис отодвинулся, и между нашими губами, между телами как будто разверзлась пропасть. Я чуть не заплакала.

– Боль, которая сродни наслаждению, – хрипло повторил Крис, – и когда-нибудь, детка, ты поймешь, что иногда боль становится настолько острой, что сама становится наслаждением.

Я понимала. Вернее, поняла только сейчас.

– И ты, вне всякого сомнения, знаешь, как заставить кого-то это испытать. – В голосе моем слышалось осуждение. Я не стремилась к этому – просто так получилось. Крис знал, что он сделал со мной. Знал, что подвел меня к краю, и при этом отказал мне в наслаждении.

В нем внезапно что-то изменилось – можно было не сомневаться, что игра закончена. Расцепив мои судорожно сведенные пальцы, он положил их к себе на плечи.

– Да, детка, знаю. Но я никогда никому не причинял вреда. И тебе тоже не причиню. Можешь мне верить.

Меня захлестнуло чувство вины.

– Знаю, Крис. Я хорошо это знаю.

– Но вчера ты этого еще не знала. – Теперь в голосе Криса уже не было нежности. Он звучал напряженно, и я знала, что всему виной боль, которую я невольно причинила ему. Лицо его как будто разом осунулось, стало жестким.

– Мне было страшно. Я растерялась.

– А если это повторится?

– Не повторится. – Я едва не крикнула, что люблю его. Но вовремя прикусила язык, опасаясь, что испугаю его, и он отвергнет меня. – Не повторится.

Крис долго вглядывался в мое лицо, но догадаться, о чем он думает, было невозможно. Я все еще пыталась это сделать, когда его губы вновь смяли мой рот, а мгновением позже он уже целовал меня, целовал так, будто пытался убедиться в искренности моих слов. Я прижалась к нему – я терлась об него, заставляя его рычать от нетерпения. Мне хотелось, чтобы он понял, что я тут, с ним, что я никуда не уйду.

Я инстинктивно почувствовала тот миг, когда в нем как будто что-то щелкнуло, когда у него вдруг пропала охота задавать вопросы и вспыхнуло чисто мужское желание обладать женщиной. Подхватив меня на руки, Крис понес меня к кровати – мужчина, который внезапно увидел перед собой цель, и целью этой – весьма охотно – стала я. Усадив меня на край постели, он сорвал с себя рубашку, после чего, даже не дав мне возможности полюбоваться собой, рывком подтащил меня к себе и резко раздвинул мне ноги. Я и ахнуть не успела, как его голова оказалась у меня между ног, и его язык раздвинул нежные складки. От неожиданности я опрокинулась на спину. Извиваясь, я попыталась отползти, но пальцы Криса были уже внутри, а его язык ласкал и мучил потаенные складочки и самые чувствительные места. Мое тело стало содрогаться, и из груди Криса вырвалось рычание. Я была его добычей. Я принадлежала ему. Признаться, от этой мысли мне стало страшно – сказать по правде, я очень сомневалась, что когда-нибудь буду иметь такую же власть над ним. Такую, чтобы проделывать с ним нечто подобное. Я попыталась было вырваться, но Крис, успевший к тому времени раздеться, повалил меня на постель и рухнул сверху. Я ничего не могла поделать. У меня не осталось ни сил, ни желания сопротивляться. Да и как я могла? Ведь я принадлежала ему. Проклятие... я принадлежала ему.

Мои руки обвилились вокруг шеи Криса – он навалился на меня, всей тяжестью своего тела пригвоздив меня к кровати. Внезапно мне пришло в голову, что это первый раз, когда мы с ним оказались в постели. Мы занимались любовью бесчисленное количество раз, в самых разных позах, но никогда в постели – в его постели. От этой мысли мне почему-то вдруг стало не по себе. Все это могло говорить только об одном – что наши отношения перешли в следующую стадию.

– А теперь я займусь с тобой любовью, Сара.

Это было то, чего я меньше всего ожидала услышать... то, чего я одновременно боялась и хотела. Я внезапно почувствовала, что теряю почву под ногами.

– Просто потрахать тебя уже не устраивает?

– Детка, у меня не хватит пальцев, чтобы пересчитать, как именно я собираюсь когда-нибудь трахнуть тебя. Но сегодня... сегодня я буду любить тебя. – Губы Криса нашли мой

рот, и я забыла обо всем. Этот человек рушил все преграды, которые я возводила между ним и собой, и я была бессильна ему помешать.

Он широко развел мне ноги и пристроился между ними – его напряженная, пульсирующая плоть коснулась меня, и я застонала в предвкушении. Потом я почувствовала, как он вонзился в меня – приподняв бедра, я устремилась навстречу, изнывая от желания ощутить его глубоко внутри себя, взять еще больше... и понимая при этом, что это он берет – берет то, за что я отчаянно цеплялась и в чем у меня не было сил ему отказать.

Одним мощным толчком он ворвался в меня – мы замерли, прижавшись друг к другу, часто и тяжело дыша. Еще ни разу в жизни я не ощущала себя в такой мере частью какого-то мужчины, как в эту минуту. Плотью от плоти другого существа. Захлестнувшие меня чувства были настолько новы и странны, что я растерялась. Я не понимала, как можно полностью раствориться в другом человеке – оставаясь при этом собой.

– Крис! – закричала я. Я боялась его, боялась того, что происходит со мной – ощущение было такое, будто меня засасывает в чудовищную воронку, откуда нет и не может быть возврата.

Вместо ответа он зашевелился – сдвинулся назад, словно намереваясь выйти из меня. Я запаниковала, я выгнулась дугой, пытаюсь вернуть его, – словно почувствовав мой страх, он резким рывком продвинулся дальше. Закричав, я обвила его ногами, приподнялась и застонала, чувствуя, как его руки обхватили мои ягодицы. С каждым толчком он все глубже врезался в меня – мне казалось, я чувствую, как он дрожит... а может, это меня била неудержимая дрожь. Мне не хотелось, чтобы все кончилось слишком быстро – я могла бы поклясться, что и Крис этого не хочет. Казалось, нас обоих мучает страх перед тем, что будет потом. Но наслаждение было слишком острым, слишком всеобъемлющим, чтобы мы могли долго противиться ему. Мои мышцы судорожно сжались вокруг его плоти, и я испытала самый мощный оргазм за всю свою жизнь. Что-то заклокотало у Криса в горле, он дернулся, и я ощутила, как горячая струя обожгла меня изнутри, когда его семя вырвалось наружу. Мы так и остались лежать – тяжелое тело Криса распростерлось поверх моего, пригвождая меня к постели. Я молчала, не зная, что теперь будет, как справиться с водоворотом чувств, захлестнувшим меня с головой.

Крис очнулся первым – откатившись в сторону, вытянулся рядом со мной, после чего заботливо натянул на меня одеяло. Я чувствовала, как что-то горячее стекает по моим бедрам, но почему-то меня это нисколько не волновало. Куда важнее было то, что рядом со мной Крис, что мы вместе в его постели. Не знаю, сколько времени прошло. Сна не было ни в одном глазу. Мне хотелось только одного – чувствовать, что он здесь, совсем рядом.

– Поехали со мной в Лос-Анджелес.

Меня так и подмывало согласиться. На то у меня было много причин. Рядом с Крисом я уже не ощущала, как почва уходит у меня из-под ног.

– Я забронировал тебе билет на самолет.

– Крис! – Тут же появилось ощущение, что на меня давят. – Ты же знаешь, я не могу. Как же моя работа? А когда ты вообще успел забронировать для меня билет?

– Еще до того, как ты рассказала, что произошло на складе, если тебя волнует именно это. Я твердо настроился уговорить тебя лететь со мной еще вечером, когда только вернулся в город. Конечно, я догадывался, что ты кинешься спорить, но пойми, будет лучше, если я увезу тебя отсюда на несколько дней. У моего детектива будет время спокойно выяснить, что произошло сегодня ночью, а мы получим небольшую передышку.

У меня от ужаса свело живот.

– Думаешь, мне угрожает опасность?

– Просто не хочу рисковать.

– Ты уверен, что мне угрожает опасность... – обреченно повторила я.

– Сара, не хочу тебя пугать... но я уже говорил, что намерен защищать тебя. И это не шутка. А это значит, что я постараюсь принять все возможные меры предосторожности. А вообще... – Крис шутливо дернул меня за упавшую на лоб прядь, – ...я просто хочу, чтобы ты была рядом. Я предложил бы тебе лететь со мной, даже если бы ничего не случилось.

Он хочет, чтобы я была рядом. Эти слова наполнили меня блаженством. Я уже открыла было рот, чтобы выпалить «да», и тут же захлопнула его. Удержал меня только страх потерять работу.

– Крис, я бы с удовольствием, но... Не могу. Со мной все будет в порядке. Я тут в безопасности.

Лицо Криса потемнело.

– Но ты же не сможешь круглые сутки сидеть запершись в квартире.

– Нет. Пойду на работу, в галерею безопасно.

– Смотря что иметь в виду, – сухо отрезал он. Я, естественно, догадалась, что Крис имеет в виду Марка, а не охранников, которые торчат в галерее. Он с недовольным видом потер шею, потом уставился на меня. – Боюсь, шансов на то, что мне удастся тебя переубедить, примерно столько же, сколько и на то, что я уговорю тебя посмотреть со мной «Пятница, 13». Что скажешь?

– Меньше. – Я чмокнула его в щеку. – Предлагаю сделку. Я смотрю с тобой фильм ужасов, а ты со мной – какую-нибудь мелодраму. Ну, и с тебя еще миска попкорна. – Я перекатилась на спину. Крис, протянув руку, выключил свет, потом привлек меня к себе, и мы удобно устроились, тесно прижавшись друг к другу. И черт возьми, это было совсем неплохо.

– Ты когда-нибудь сведешь меня с ума, женщина, – шепнул он мне на ухо.

– Вот и отлично, – хмыкнула я, улыбаясь и благодаря Бога за то, что в спальне темно. – Потому что ты тоже сводишь меня с ума.

– Это правда? – недоверчиво спросил он.

– Хм-м... – промычала я, чувствуя, как на меня наваливается усталость. – Да. Ты определенно сводишь меня с ума. – И это здорово, мысленно добавила я. Глаза у меня слипались. Я вздохнула и тут же провалилась в сон.

* * *

Я открыла глаза, как от толчка. И сразу поняла, что Криса рядом нет. Сначала я не на шутку перепугалась – на какое-то мгновение мне даже показалось, что уже утро, и Крис улетел в Лос-Анджелес, не дав мне возможности даже попрощаться. Но потом я заметила под дверью полоску света – значит, Крис еще тут. Негромкие звуки музыки заставили меня стряхнуть остатки сна. И меня захлестнуло невероятное облегчение. Я поняла, что не одна, и преисполнилась решимости найти Криса.

Я села – одеяло соскользнуло до талии, холодный воздух неприятно обжег обнаженное тело. Но вместо того чтобы закутаться в одеяло, я отыскала валявшуюся на полу рубашку Криса. Потом, бросив взгляд на часы, убедилась, что уже почти пять утра. Интересно, во сколько у него самолет, зевнула я. Оставалось надеяться, что не очень рано. Нет, наверное, все-таки рано, раз он уже встал. Как-то странно было оказаться в его постели одной, без Криса... странно и вместе с тем приятно, ведь это означало, что он мне доверяет.

Натянув на себя рубашку Криса, я блаженно втянула ноздрями аромат туалетной воды мужчины, который уже успел стать частью моей жизни. И тут же решила, что буду спать в ней, пока он в отъезде.

Бесшумно переступая босыми ногами, я на цыпочках подкралась к двери и... увидела пустую гостиную. Лившаяся из-за дверей музыка заставила меня повернуть голову влево – ориентируясь на звук, я двинулась по длинному, узкому коридору, оставив за собой

несколько закрытых дверей. Только одна из них, самая последняя, оказалась приоткрытой на пару дюймов. Я осторожно взялась за ручку. Что-то подсказывало мне, что за ней кабинет Криса, который мне давно хотелось увидеть. Дверь чуть слышно скрипнула – я расценила это как приглашение и повернула ручку. Мелодия изменилась, теперь это была композиция «Ты слаще сахара» в исполнении рок-группы «Мэтчбокс Твенти». В ней чувствовалось что-то невероятно эротичное. Почему-то вдруг вспомнилось, как Крис упоминал, что любит рисовать под музыку, и мне безумно захотелось узнать, какие образы она ему навеивает.

Скрип двери выдал мое присутствие. Заглянув в дверь, я увидела Криса – на нем не было ничего, кроме приспущенных на бедра джинсов, и выглядел он так, словно и сам на вкус был слаще сахара. Мой взгляд блуждал по его телу, упиваясь сочными синими, желтыми, красными красками татуировки в виде дракона, литыми мышцами, которые перекачивались под гладкой, загорелой кожей, а в голове крутилась фраза, не так давно услышанная мною от Криса. «Знаешь, что произойдет, если попытаешься соблазнить дракона? Он сожжет тебя живьем, детка. Так что ты играешь с огнем». И вот сегодня это случилось – я играла с огнем, вознамерившись соблазнить Криса, я обратила его в дракона, и то, каким взглядом он сейчас смотрел на меня, как ему удалось разглядеть то, что я пыталась скрыть от него, – все это заставляло меня корчиться на медленном огне. Только сейчас до меня дошло, что нельзя приставать к Крису с просьбой открыть мне душу, не открыв при этом своей. При мысли о том, что за этим последует, все во мне разом перевернулось, ведь пришлось бы признаться, что я тоже не была до конца откровенна с ним, что есть нечто такое, о чем ему лучше не знать. Нечто, о чем я бы очень хотела забыть. К несчастью, это было невозможно – с таким же успехом можно было пытаться избавиться от выжженного клейма – чем больше трешь, тем ярче оно становится.

Крис взял меня за руку. Я украдкой покосилась на него – и изумилась. В глазах Криса прыгали озорные чертики.

– Добро пожаловать в «пещеру отшельника», детка.

Меня так и подмывало рассмеяться, и я уже в который раз удивилась, как ему удается уловить тот момент, когда у меня на душе кошки скребут, и за минуту-другую вернуть мне хорошее настроение. За это я и любила Криса.

– Пещеру отшельника?

– Именно. Ну, что, страшно?

– Зависит от того, что ты имеешь в виду. Кстати, комната в клубе, куда ты меня отвел, называлась «Логово льва», верно?

– Не пугайся. Я буду нежен с тобой, обещаю. – Выразительно изогнув бровь, он привлек меня к себе, и все мысли о Марке и его клубе разом вылетели из головы. Я огляделась. Моим глазам предстала просторная комната круглой формы, вся как будто состоящая из одних окон. У меня даже слегка закружилась голова – ощущение было такое, словно я оказалась на смотровой площадке Эйфелевой башни. Или на палубе океанского лайнера, готового отправиться в неведомые края.

– Потрясающе! – выдохнула я.

– Я же тебе говорил, – кивнул Крис. – Поэтому я и купил эту квартиру.

– Да. Теперь понимаю.

Он отпустил мою руку, давая возможность осмотреть огромную студию. Немногие стоявшие на мольбертах картины были закрыты холстами – я бы дорого дала, чтобы хоть одним глазком глянуть на них. На полу тут и там виднелись пятна краски, словно художник, торопясь закончить картину, не замечал, что брызги с кисти летят в разные стороны. Я с трудом спрятала улыбку.

– Да, знаю за собой этот грех. Когда работаю, забываю обо всем, – словно подслушав мои мысли, пробормотал Крис. Неслышно встав у меня за спиной, он обнял меня за талию,

и мое тело разом откликнулось на его прикосновение. Последняя фраза из песни еще висела в воздухе: «Я хотел заставить тебя уйти, но ты слаще сахара», – и тут Крис вдруг нагнулся и что-то шепнул мне на ухо по-французски.

Я слегка поежилась от удовольствия, до такой степени эротично это прозвучало, и повернулась к нему, закинув руки ему на шею.

– Что ты сказал?

– Я сказал, – прошептал он, – что хочу почувствовать, как ты таешь от наслаждения, когда я ласкаю тебя языком. – Приподняв подол моей рубашки, он обхватил меня пониже спины и крепко прижал к себе. Его затвердевшая плоть вжалась мне в живот. – Если бы до моего рейса не оставалось всего два часа, я бы снова попробовал тебя на вкус. И не отпускал бы до тех пор, пока ты не взмолилась бы о пощаде.

– Взмолилась?! Не дожدهшься! – буркнула я, сама удивляясь, что способна ворочать языком, когда его пальцы, осторожно раздвинув нежные складки между ногами, двинулись дальше.

– Взмолилась бы, можешь мне поверить. И не вздумай дразнить меня – потому что иначе у меня появится искушение проверить, насколько быстро это произойдет. Собственно говоря, – прошептал он, подводя меня к стоявшему посреди комнаты стулу, – немного времени у меня есть.

«Да. Прошу тебя. Непременно проверь».

– Ты сказал, рейс через два часа, а тебе еще ехать в аэропорт? Вот именно, что немного.

– Нет. У меня еще полно времени. – Крис усадил меня на стул. – Ну как, готова умолять о пощаде?

– Ты наверняка опоздаешь на самолет, – усмехнулась я. – Надеюсь, ты к этому готов?

Вместо ответа он молча повернул меня лицом к мольберту и одним резким движением сорвал с меня рубашку. Я сдула упавшую на лицо прядь волос... и застыла. При виде стоявшей передо мной картины у меня перехватило дыхание. На ней была я – я сидела посреди «пещеры отшельника», поджав под себя ноги и опустив на колени связанные руки. У меня вдруг пересохло в горле.

– Чем ты связал мне руки? – хрипло спросила я. И тут вдруг мои руки оказались у меня за спиной, а в следующий миг я почувствовала, как на них затягивается тугая петля.

Крис, встав передо мной, продемонстрировал мне моток скотча.

– Вот. Очень эффективно.

– Крис, – с трудом шевеля пересохшими губами, прошептала я. – Ты опоздаешь на самолет.

По губам Криса скользнула улыбка – вероятно, такой же улыбкой змей-искуситель улыбался Еве.

– Ты явно меня недооцениваешь. – Он опустил на колени и одним быстрым движением развел мне ноги. – Ну вот... готова меня умолять? – Руки Криса, его ловкие, умелые руки ласкали мои бедра, поднялись вверх, коснулись клитора. – Так, включаю таймер. Время пошло. – Язык Криса двигался мучительно медленно, невероятно возбуждающе. – М-мм, какая ты сладкая, детка... просто как мед. И так же плависься...

Мое тело содрогнулось.

– И я вот-вот свалюсь со стула.

– Нет, если обопрешься на меня, – промурлыкал Крис, запуская в меня пальцы. – Давай попробуй.

Я снова вздрогнула и выгнулась дугой.

– Сейчас упаду.

– Я держу тебя. – Пальцы Криса впились в мои бедра. – Доверься мне. Я тебя держу. – Наши взгляды встретились. В его глазах пылал огонь сродни тому, что сжигал и меня. – Расслабься. Ипусти меня, – шепнул он.

Расслабься ипусти меня. Как будто мы с ним в постели. Я кивнула.

– Да.

Очень медленно Крис опустил голову, и я почувствовала, как его горячее дыхание обожгло мою кожу за миг до того, как его губы сомкнулись на моем клиторе. Я ахнула, когда он убрал руку с моей ноги, – меня качнуло вперед, но тут его пальцы оказались внутри меня, и с губ моих сорвался стон. Это было похоже на пытку – сладостную, невероятно изысканную пытку. Пик наслаждения стремительно приближался и... да, кстати, Крис ошибся. Жестоко ошибся. Я не молила о пощаде – просто на это уже не было времени. Теперь я окончательно поняла, что душой и телом принадлежу этому человеку, отныне и навсегда. Единственное, чего я никак не могла взять в толк, так это почему еще недавно меня это так расстраивало.

Спустя без малого час я, по-прежнему неодетая, в одной рубашке Криса на голое тело стояла посреди кухни, глядя, как он невозмутимо потягивает кофе, и удивляясь, как это у него получается не обжечься, ведь я только что сняла турку с плиты. Влажные после душа волосы Крис наспех пригладил руками – на нем была светло-голубая футболка с изображением Спайдермена, полученная в подарок от одного из ребят, которых он навещал в больнице, и его обычные черные джинсы. Мне всегда было до смерти интересно, почему Крис с таким пылом посвящает себя благотворительности. Оставалось только надеяться, что когда-нибудь у меня будет время, чтобы подробнее узнать и об этой стороне его жизни.

– Ты вообще сегодня спал? – небрежно бросила я, стараясь, чтобы Крис не заметил растерянности в моем голосе. В конце концов, недоумевала я, если ему так хотелось затащить меня в постель, почему он не остался там со мной?

– Ну, я вообще мало сплю. По ночам в основном рисую. – Крис забрал чашку с кофе, которую я держала в руках, и одним глотком прикончил ее содержимое. – Хотел написать картину для одного из мальчишек. Он страшный фанат кино, в этом мы с ним похожи, так что у нас много точек соприкосновения.

– Сколько ему лет?

– Тринадцать.

– У него рак?

Крис, помрачнев, кивнул:

– Лейкемия. В последней стадии. Родители держатся из последних сил. Они хорошие люди. Представляешь, каково это, когда твой ребенок умирает у тебя на глазах?

У меня защемило сердце.

– Все так плохо?

– Да. Он умирает. И поверь мне, если бы деньги и лекарства могли чем-то помочь, я бы сделал все, чтобы его спасти. – Крис провел рукой по волосам и отвернулся, ища глазами телефон, чтобы вызвать такси. Я заметила, как в его глазах мелькнула боль. Мне было страшно даже думать о том, что чувствует человек, видя, как умирает кто-то из его близких, зная при этом, что он бессилен помочь... но Крис-то хорошо это понимал. Разве он не был свидетелем того, как его собственный отец год за годом спивался у него на глазах? Внезапно я пожалела, что отказалась поехать с ним, и тут же дала себе слово, что постараюсь освободиться на выходные, даже если ради этого придется использовать благотворительное мероприятие в качестве рекламы нашей галереи. В три узла завяжусь, мстительно подумала я, но вытрясу из Марка кругленькую сумму в качестве пожертвования. Ничего, пусть раскошелится.

Сунув в карман телефон, Крис повернулся ко мне. Я уже открыла было рот, чтобы спросить, зачем ему брать такси, но он меня перебил.

– Поехали со мной, – бросил он. – Я не стал отменять бронь на второй билет.

– В другой раз, – отрезала я.

Мой ответ прозвучал резче, чем мне хотелось бы.

Похоже, он несколько не удивился этому туманному обещанию когда-нибудь составить ему компанию.

– Это не тот ответ, на который я рассчитывал.

– Что ж поделаешь...

Крис поскреб подбородок. Потом, резко отвернувшись, оперся ладонями о шкафчик, возле которого я стояла, и замер, опустив голову и думая о чем-то своем. Все его тело было как натянутая струна, даже кончики пальцев побелели от напряжения.

Я нерешительно протянула руку и коснулась его взлохмаченных волос. Крис, вздрогнув, поднял голову – в солнечном свете его глаза казались двумя осколками светлого изумруда.

– Я с ума сойду от страха за тебя. Ты хоть представляешь, как мне не хочется оставлять тебя одну?

– Мне тоже не хочется, чтобы ты уезжал.

Крис задумался, словно взвешивая мои слова. Я видела, что ему приятно это слышать, однако радость, мелькнувшая было в его глазах, быстро угасла, лицо снова помрачнело.

– Сделай кое-что для меня, Сара. Пообещай, что сунешь эти чертовы дневники в сейф в моем чулане и пусть валяются там до моего возвращения. Я дам тебе шифр.

Мое сердце гулко забилося. Прислонившись к шкафчику, я какое-то время с удивлением таращилась на него.

– Ты боишься, что кто-то попытается их стащить? Мне казалось, ты говорил, что тут я в полной безопасности.

Крис вскинул на меня глаза.

– Да, говорил. Будь иначе, я бы не уговаривал тебя поехать со мной – я бы волоком потащил тебя в аэропорт. Я боюсь другого – что ты примешься читать и перечитывать эти проклятые дневники. Поэтому я и прошу тебя положить их в сейф до моего приезда. Утолишь свое любопытство, когда я вернусь – по крайней мере тогда я смогу объяснить тебе многое из того, о чем ты станешь читать, если тебе снова, как вчера, придет в голову блажь искать в них что-то, что связывает нас с тобой.

– Любопытство тут ни при чем, Крис. Я просто хочу найти Ребекку.

– Этим пусть занимается частный детектив, которого я нанял. Сегодня же утром свяжусь с ним – расскажу, что произошло этой ночью, и попрошу навести справки на складе. Возможно, ему удастся узнать об этом больше, чем нам. – Он ласково взъерошил мне волосы. – Сара, дай мне слово, что запрешь дневники в сейф.

Я с трудом проглотила решительный отказ, который уже вертелся у меня на языке. В конце концов, это важно для него, напомнила я себе. И к тому же в них нет ничего такого, чего бы я не прочитала как минимум раз.

– Ладно, – с некоторым сомнением в голосе проворчала я. – Хорошо, запрю.

Лицо Криса просветлело.

– Спасибо.

Губы мои сами собой расплзлись в улыбке.

– Чему ты улыбаешься?

– Потому что крутые мачо не привыкли говорить «спасибо». Но мне понравилось.

– Ты хотя бы согласна прилететь в Лос-Анджелес в субботу после работы? Вечером благотворительный прием, так что мне придется влезть в смокинг. Понадобится твоя помощь, слышишь?

– Я увижу тебя в смокинге? – Мои брови поползли вверх.

– И не только. Если приедешь, я позволю тебе снять его с меня.

– По рукам, – улыбнувшись, кивнула я. – Но пообещай подарить мне свою картину до того, как устроишь стриптиз.

– Я подарю тебе картину, если смогу уговорить тебя привезти ту, что я написал вчера с тебя. Я бы захватил ее, но краски еще не высохли.

– Конечно. Без проблем.

– Отлично. В задней части моей студии есть кладовка, в которой я устроил суперсовременную сушилку. Картина как раз там. Я позвоню тебе, как устроюсь в отеле и утрясу все детали поездки.

Телефон затрясся и завибрировал. Крис, чертыхнувшись, схватил его.

– Сейчас спущусь, – пробормотал он в трубку. – Такси ждет внизу, – неохотно объяснил он.

– Почему ты не захотел взять свою машину? – удивилась я.

– Решил оставить свой «порше-911» тебе.

– У меня есть своя машина.

– В «порше-911» первоклассная система безопасности. Я по крайней мере всегда буду знать, где ты находишься.

Тень прошлого, о котором я предпочла бы забыть, накрыла нас. И она же придала металлические нотки моему голосу.

– Другими словами, ты желаешь постоянно знать, где я? – ледяным тоном осведомилась я.

Моя злость не произвела на Криса ни малейшего впечатления.

– Если бы мне срочно понадобилось тебя отыскать, я бы и так это сделал. Но дело не в этом. Если бы ты оказалась в беде, поверь, тебя бы нашли – и нашли очень быстро. Просто если тебе вдруг потребуется помощь, сразу сообщи об этом компьютеру «порше-911», и он позаботится, чтобы ты ее получила. Так что все это исключительно ради нашего общего спокойствия.

Все это прозвучало логично... и не столь уж ужасно. Тень прошлого постепенно развеялась как дым, поскольку ее вытеснила забавная мысль, которую можно было расценить как еще один довод в пользу его предложения.

– А еще мое появление за рулем твоей машины послужит своего рода посланием для Марка – это, так сказать, дополнительный бонус.

Крис скрестил руки на груди.

– Дополнительный бонус? Что ж, можно сказать и так.

Я подбоченилась.

– Послушай, мне не улыбается оказаться в самом эпицентре войны между тобой и Марком! Я не фишка из казино, Крис!

Крис прижал меня спиной к шкафчику. Вывернуться я не могла – почти голая, если не считать его рубашки, я чувствовала себя очень уязвимой.

– Конечно, нет, но это недвусмысленно укажет ему, что ты – моя, – низким, напряженным голосом проговорил он. – А я хочу, чтобы он это знал.

Мне бы следовало возмутиться... но вместо этого я задрожала.

– А ты, Крис? – с вызовом бросила я. – Ты мой?

– Целиком и полностью, детка. Со всеми своими плюсами и минусами. Можешь не сомневаться.

Я была потрясена той легкостью, с какой это признание сорвалось с его губ. Мои собственные губы ссохлись, язык словно заржавел и не повиновался мне.

– Пообещай, что возьмешь «порше-911». – В его голосе прорезалась чувственная хрипотца.

Как-то раз он уже оказался прав, напомнила я себе. В руках Криса я плавилась, словно горячий воск, и он, разумеется, этого не забыл.

– Хорошо. Обещаю.

Крис взял в ладони мое лицо.

– Вот это правильно, детка, – пробормотал он, потом его губы нашли мой рот. Пряный привкус его одобрения, приправленный ароматом кофейных зерен, наполнил меня блаженством. В первый раз за все это время я была счастлива.

Глава 6

Крис исчез за дверями лифта, оставив в моей душе ощущение пустоты. В квартире, где кроме меня не было ни души, разом поселилось гулкое эхо, счастье, в котором я купалась, испарилось бесследно – я чувствовала себя одинокой и брошенной. Конечно, я понимала, что разделявшее нас расстояние на самом деле ничего не значит, но только что обретенная близость казалась настолько хрупкой, что мне вдруг стало страшно.

Пару минут я тупо таращилась на стальные двери лифта, словно надеясь, что они раздвинутся, и я увижу вернувшегося Криса. Естественно, этого не произошло – да и не могло произойти. Крис и без того опаздывал на самолет, а отменить поездку было нельзя. В отличие от него у меня времени было полно. На работу я не спешила – можно было поваляться в постели еще пару часов, поскольку этой ночью спать мне не пришлось, но я сознавала, что вряд ли усну. Слишком много всего произошло за этот день. Вдобавок было бы неплохо разобрать сумку и принять душ.

Я направилась в ванную, наткнулась на свой мобильник, обнаружила, что батарейка почти села, и, чертыхаясь, принялась копаться в сумке в поисках зарядки. Наконец поиски увенчались успехом – поставив телефон на зарядку, я решила разобрать сумку и повесить свою одежду в гардероб. До этого момента мне еще никогда не доводилось держать свои вещи в гардеробе, где уже висела мужская одежда, – и я чувствовала себя неловко. Выругавшись про себя, я попыталась избавиться от этого ощущения. В конце концов, я ведь без ума от Криса, напомнила я себе. Еще недавно я искренне радовалась тому, какой оборот приняли наши отношения. Тогда почему сейчас я чувствую себя так, словно угодивший в ловушку дикий зверь, недоумевала я. Откуда эта неуверенность, этот страх, очень похожий на тот, что охватил меня, когда я оказалась на складе?

«Это же глупо наконец, – одернула я себя, машинально открывая и закрывая молнию на сумке. – Ты ведь хочешь его. Хочешь, чтобы вы стали близки». Рассердившись, я пинком ноги подтолкнула сумку поближе к гардеробу, открыла дверцу, и при виде его содержимого у меня отвалилась челюсть. О таком гардеробе можно было только мечтать – размером с небольшую комнату и полками от пола до потолка, вытянувшимися вдоль стен, две трети которых были забиты одеждой Криса, остальные, видимо оставленные для меня, пустовали.

Плюхнув сумку на пол, я решительно расстегнула молнию, краем глаза заметив сейф, о котором говорил Крис. Он оказался открыт. Крис забыл сказать мне комбинацию замка – при желании я могла бы убрать дневники в сейф, а вот достать их оттуда, не зная шифра, было бы невозможно. Почему-то эта идея мне не понравилась.

Закусив губу, я разглядывала стоявшую на полу сумку с моими вещами – она была открыта, и взгляд мой остановился на лежавшей сверху стопке дневников. Рядом лежала шкатулка. Скрипнув зубами, я напомнила себе, как пообещала Крису запереть дневники в сейф. Вытащив их из сумки, я сунула три тонкие тетрадки и шкатулку в сейф, но дверцу оставила открытой. Четвертая тетрадь, вероятно, так и осталась лежать возле кровати, решила я. Я вернулась в спальню, чтобы ее отыскать. Дневник обнаружился там, где я и рассчитывала, возле кровати – я нагнулась за ним, но тетрадка выскользнула у меня из рук и шлепнулась на пол, открылась, да так и осталась лежать. Поколебавшись немного, я подобрала ее и машинально пробежала глазами первые строки. Эту запись я уже читала, но даже зная, о чем там говорилось, я вдруг захотела перечитать ее еще раз. Тяжело вздохнув, я поклялась, что это будет последний раз, когда я дотронулась до дневников в отсутствие Криса. Сейчас позвоню ему, узнаю комбинацию замка и запру их до его возвращения, решила я. Сразу почувствовав себя лучше, я шумно выдохнула и уткнулась в дневник.

«Этим утром я проснулась от тупой боли в моей ободранной спине и ягодицах – выходит, наказание, которому я подверглась вчера, мне не приснилось. Когда пришло время одеваться, стало ясно, что вопрос о нижнем белье отпал сам собой. Прикосновение даже самой тонкой ткани к коже было настоящей пыткой. Боль постепенно утихла, зато воспоминания о полученном вчера наказании оставались по-прежнему свежими.

Каким-то чудом мне все же удалось провернуть парочку достаточно крупных сделок, а вечер завершился частным показом коллекции картин, который устраивал у себя один известный художник. Мои клиенты были вне себя от счастья, что получают шанс познакомиться с настоящим художником, и я понимала почему. В этом человеке чувствовалась какая-то мягкая, но уверенная сила, которую он переносил на все, чего касалась его кисть. Он выглядел воплощением страсти, и мне не раз приходило в голову, каково это – быть любимой таким человеком... почувствовать, как в тебе вновь просыпается любовь к жизни, вместо того, чтобы пытаться всякий раз угадывать, какой окажется новая игра. Эти игры больше не приносили радости. Не становились, как когда-то, спасением. А он перестал быть Господином, которого я некогда видела в нем. У меня появилось ощущение, что меня затягивает в какой-то черный водоворот, я отчаянно мечтала вновь обрести ту же страсть к жизни во всех ее проявлениях, которая чувствовалась в этом художнике. Я жаждала большего... но разве это не было тем, что, собственно, и привело меня в галерею? Жаждой большего? Может, именно в “большем” и кроется опасность... потому что даже этого “большого” иногда недостаточно?»

Я захлопнула дневник. Из головы не шел художник, о котором писала Ребекка. Это не может быть Крис, твердила я себе. Крис никогда бы не пригласил незнакомых людей в студию, не стал бы показывать им свои картины. Скорее всего она имела в виду Рикко Альвареса, несколько раз приглашавшего меня, чтобы договориться о частной выставке; не исключено, что раньше он поручал это Ребекке. Тогда почему я с настойчивостью маньяка не перестаю думать о Крисе? Это же просто глупо. «Посторонним вход воспрещен» – вот его девиз, который я не раз слышала из его уст. Но даже если Ребекка и имела в виду Криса, в этих записях нет ничего, указывающего на то, что этот художник был ее любовником. От этой мысли у меня свело живот. Вскочив на ноги, я бегом вернулась в гардеробную и бросилась к сейфу, зашвырнула тетрадь внутрь, и вместо дневника достала оттуда бархатную шкатулочку. Подняв крышку, я какое-то время разглядывала лежавшую внутри кисть, которой пользуются художники. С лежавшего под ней снимка на меня смотрели глаза Ребекки. Половинка фотографии была оторвана – узнать, кто стоит возле нее, не было никакой возможности.

– Это не может быть Крис, – повторила я. – Это не он.

Звонок мобильного вернул меня к реальности. Захлопнув крышку шкатулки, я сунула ее обратно в сейф и с треском захлопнула дверцу, решительным жестом повернув ручку. Теперь сейф был заперт. Хватит, подумала я. Этому безумию пора положить конец.

Внезапно перепугавшись, что пропущу звонок, я пулей вылетела из гардеробной и помчалась в спальню, уверенная, что звонит Крис. К несчастью, едва оказавшись у меня в руках, мобильник умолк. Одного взгляда мне хватило, чтобы убедиться, что это действительно был Крис. Я уже собиралась перезвонить, когда мобильник вновь завибрировал.

– Крис, – поспешно откликнулась я, надеясь, что его голос в трубке сотрет из моей памяти запись в дневнике, а заодно и оставленное ею неприятное чувство.

– Будь это другая поездка, не такая важная, ни за что бы не уехал.

– Знаю. – В этот момент я, как никогда до этого, чувствовала, насколько прочна нить, связывающая меня с этим человеком. – Как знаю и то, сколько ты делаешь для этой больницы. Кстати, где ты сейчас?

– Только что въехали на мост. Вылет пришлось отложить на час, но я все равно успею сделать все, что у меня запланировано.

Меня вдруг захлестнуло острое чувство вины.

– Я не выдержала, Крис, – зажмурившись, выпалила я. – Уселась читать дневник сразу, как ты ушел. Но тут же бросила, честное слово. Сунула все четыре дневника в сейф и заперла. И не говори мне шифр, потому что он мне ни к чему.

На какое-то время в трубке повисла тишина, показавшаяся мне вечностью.

– Мне нужно знать, что ты там вычитала и что ты теперь думаешь обо мне? Или о нас обоих?

– Нет, – отрезала я, постаравшись, чтобы это прозвучало как можно убедительнее – не столько для Криса, сколько для меня самой. – Какая разница, если дневник уже заперт в сейфе? Я поклялась, что не притронусь к нему до твоего возвращения, и сдержу слово. Прости, что не выдержала. И не думай, что мое обещание для меня не важно.

– Ну, ты ведь призналась мне, хотя не обязана была это делать, – мягко сказал он. – А это как раз очень важно.

– Ты для меня важен, Крис. Важно то, что ты вернулся на день раньше, чтобы увидеть меня, что волнуешься обо мне... и еще многое другое. Не знаю, говорила ли я, как это для меня серьезно, поэтому говорю сейчас.

– Если ты сказала это, чтобы заставить меня попросить таксиста развернуть машину, то тебе это почти удалось, – понизив голос, шепнул он в трубку. – А ведь до субботы еще целая вечность...

– Да, очень долго.

– И не забывай, что я волнуюсь за тебя. Кстати, я уже позвонил Джейкобу. Он сказал, что свяжется с тобой, чтобы оставить свой номер телефона – в случае чего сразу же звони ему, поняла? Если хочешь, он может возить тебя на работу, а вечером домой... хотя, насколько я тебя знаю, ты вряд ли согласишься.

– Нет, конечно. Хотя после того, что я пережила на складе, на душе у меня будет спокойнее от мысли, что есть человек, которому можно позвонить. – Не возвратись Крис на день раньше, подумала я, мне бы не к кому было обратиться. От этой мысли мне стало неуютно. – Спасибо, Крис.

– Не благодари меня – лучше постарайся, чтобы с тобой ничего не случилось. Да, и позвони Джейкобу до того, как уйти. Если он не возьмет трубку, оставь сообщение на автоответчике.

– Ладно, так и сделаю. Обещаю.

– Позвоню, как только самолет сядет в Лос-Анджелесе – просто убедиться, что все в порядке. Пока, детка, – мягко добавил он.

– Пока, Крис, – прошептала я. Потом нажала кнопку отбоя, упала на кровать и уставилась в потолок. Меня захлестнул такой водоворот чувств, что я не понимала, что с этим делать. И с собой тоже. Схватившись, я схватила телефон, поставила будильник, чтобы он поднял меня через полчаса, а потом уткнулась лицом в подушку и улыбнулась, почувствовав знакомый аромат любимой туалетной воды Криса и запах его тела. Запах мужчины, который сводил меня с ума.

– Ты сводишь меня с ума, – прошептала я.

– Кофе готов.

Я с трудом заставила себя оторваться от бумаг, в которых рылась, пытаюсь выяснить хоть что-нибудь о Дэвиде, новоиспеченном супруге Эллы, и в первую очередь номер его телефона. И увидела Ральфа, бухгалтера, который вел в галерее все счета, и по совместительству местного шута горохового – просунув голову в дверь, он с интересом разглядывал

меня. Учитывая, что Ральф был выходцем из Азии, я часто гадала, обладали ли его родители тем же заразительным чувством юмора, которое меня так привлекало в Ральфе.

– Спасибо, – кивнула я, раздумывая, не попытаться ли выудить из Ральфа все, что ему известно о Ребекке и ее отношениях с Альваресом. Учитывая, что завтра мне предстояло встретиться с ним, это бы мне не помешало.

– Советую налить себе кружку, иначе Боссмен тебя опередит, и останешься без кофе, – заговорщицким шепотом предупредил Ральф, используя одно из бесчисленных прозвищ, которые он все время давал Марку. – Похоже, ночь у него выдалась еще та. – Ральф, многозначительно щелкнув себя по горлу, скорчил рожу. – Боюсь, наш мистер Выпивоха слегка перебрал.

Я недоверчиво покрутила головой. Потом, бросив взгляд на часы, машинально отметила, что уже почти девять, значит, офис Дэвида откроется с минуты на минуту.

– Марк-то? Никогда не поверю.

– Ты просто его не видела. – Ральф выразительно покрутил носом.

И, сделав страшную рожу, исчез. Мои брови поползли вверх. Марк всегда выглядел безупречно. Представить, что он может выглядеть иначе, было попросту невозможно. Но поскольку от Марка, как-никак, зависело мое будущее, это разожгло мое любопытство.

Выскочив из-за стола, я ринулась догонять Ральфа, надеясь вытянуть из него побольше, пока он в настроении посплетничать. Когда я нагнала его, Ральф уже сидел за своим столом в соседней комнате.

– Завтра встречаюсь с Рикко Альваресом, – объявила я, плюхнувшись на стоявший возле стола стул. Я начала издали, чтобы Ральф не понял, что меня интересует Марк.

– Правда? – Брови Ральфа поползли вверх. – А Боссмен в курсе?

– Еще нет.

– Что-то мне подсказывает, что он не сильно удивится. Альварес обожает окружать себя красивыми женщинами, которые не устают повторять, что он рисует, как мексиканский бог. А поскольку ты и раньше пускала слюнки насчет его картин, я был уверен, что он тебя не пропустит. Продолжай в том же духе, и вы с ним поладите.

– Как мексиканский бог? – Я расхохоталась.

Ральф пожал плечами.

– Своими ушами слышал. А тот тип, что подписывает нам чеки, только и делает, что тешит его самолюбие.

– Помню, Аманда говорила, что Альварес оказался гораздо лучше, чем она себе его представляла.

Ральф сдвинул очки на кончик носа.

– Ну, о вкусах не спорят. Но вообще говоря, Аманда права. Боссмен, конечно, правит железной рукой, но при этом заботится о тех, кто на него работает. И не устраивает разнос за ошибки, не важно, серьезные они или нет. И еще он может одним взглядом привести кого угодно в ужас, и частенько этим пользуется. А вот Альварес проклинал меня на чем свет стоит, когда я как-то ошибся на один паршивый доллар.

– Неужели? – ахнула я.

– Точно тебе говорю.

– Невероятно, – пробормотала я, невольно вспомнив, как Ребекка писала в дневнике, что от ее художника исходит ощущение мягкой силы. Как-то это было не похоже на Рикко Альвареса. Скорее уж на Криса. Я постаралась затолкать эту мысль подальше, сосредоточившись на том, что говорит Ральф.

– Единственный человек, которому Альварес нравился – как человек, а не только как художник, – тут уже не работает. Я про Ребекку. Она питала к нему слабость, а он – к ней. Кстати, сразу после ее ухода он забрал из галереи свои картины.

– Но разве он в свое время не предоставил их для благотворительной выставки?

– Незадолго до своего ухода Ребекка как раз устраивала нечто подобное.

– Точно. Помнится, Аманда тоже что-то такое говорила. – Я нахмурилась. – А почему Альварес забрал свои работы?

– Не мог простить мне того доллара, – хихикнул Ральф. – Брось, Сара, на это может быть сотня причин.

– А он уже сотрудничал с Марком до того, как тут появилась Ребекка? – Мне казалось, я начинаю понимать...

– Много лет.

Я гадала, неужели Альварес и есть тот человек, с которым она встречалась. Но что-то тут было не так... ведь она уехала, а он остался в городе. Может, они встречались раньше?

– Между ним и Ребеккой что-то было?

– Нет, не думаю. Она никогда не упоминала ни о ком, кого я знаю. И не думаю, что у нее было время ходить на свидания. У Ребекки ведь была и другая работа, когда она пришла в галерею.

– Другая?!

– Да. Она подрабатывала официанткой. В ночную смену.

У меня сжалось сердце.

– Чтобы было, чем оплачивать счета. – Ребекка делала то, на что у меня не хватало пороку, пока она не совершила оплошность, приведя меня сюда. Она клялась, что рано или поздно отыщет способ превратить мечту в источник дохода.

– Припоминаю, – подтвердил Ральф. – По-моему, она вообще не спала, сэндвич приносила с собой из дома, а перекусывала на стуле в одном из пустых офисов. Боссмен не любил конфликтных ситуаций, но она неплохо справлялась и даже как-то умудрялась зарабатывать неплохие комиссионные.

– А что же здесь такого? Похоже, тебя это удивляет.

– А тебя нет? Она ведь была совсем зеленой, опыта с гулькин нос, всего год, как окончила колледж.

– Разве? Мне казалось, она старше.

– Нет. – Ральф покачал головой. – А ты знаешь, чего стоит добиться того, о чем мечтает большинство профессионалов, вернее, о чем они могут только мечтать? Снимаю перед ней шляпу. И при этом Ребекка не задирала нос и не воспринимала свои успехи, как нечто само собой разумеющееся. Работала, как проклятая, без обедов и выходных. Ей давно пора было взять отпуск, хотя для нее это и непривычно. Как-то не верится, что она вернется. Может, какой-нибудь богатый парень убедил Ребекку, что ей нужен папик?

– Ты его видел? – встрепелась я.

– Нет. И даже не представлял, что такое возможно, пока она не исчезла. Говорю тебе, она никогда не говорила о мужчинах.

Зато Ава слышала о каком-то мужчине. И даже видела его как-то раз, слушок проходил. Возможно, Ребекка старалась держать своего приятеля подальше от галереи и Марка, однако они с Авой были намного ближе, чем я думала.

Мои мозги буквально закипали всякий раз, как я пыталась разгадать загадку, которая носила имя «Ребекка». То же самое можно было сказать о Марке. Я покосилась на часы – было уже больше девяти. Если бы мне удалось наконец дозвониться Дэвиду в офис, услышать, что с Эллоу все в порядке, и она наслаждается медовым месяцем, может, это бы меня успокоило.

– Пойду за кофе, – объявила я и встала, решив, что приму свою дозу кофеина и сразу засяду за телефон.

– Налей и мне чашечку, – попросил Ральф, сунув мне в руки кружку.

– С удовольствием.

Я отправилась на кухню, помахав по дороге сидевшей за секретарским столом Аманде – вся в розовом с головы до ног, она смахивала на одну из своих обожаемых Барби. Почему-то вдруг вспомнилось, как Крис сказал, что Марка тянет к тем, кто не вписывается в его собственный мир. Идея Марка взять на работу Аманду, еще не окончившую колледж, совершенно не знавшую жизни и только и думающую, как бы всем услужить, прекрасно укладывалась в эту концепцию. Но тогда зачем ему я? Я-то ведь не Аманда. Может, причина крылась в том, что я пристаю ко всем с вопросами о Ребекке? Такое объяснение напрашивалось само собой. Возможно, Марк хотел, чтобы я была у него на глазах, ведь так он мог быть уверен, что будет не только знать, какие вопросы я задаю, но и кому я их задаю. Или, хмыкнула я про себя, ему просто понадобился сотрудник, а твое умение разбираться в искусстве произвело на него неизгладимое впечатление. А я в нем действительно разбираюсь – больше того, в мире искусства я чувствую себя как рыба в воде. Не в «Логове льва», не в клубе, который принадлежит Марку, а в галерее, в индустрии искусства – да, безусловно. Если я решусь поставить крест на карьере школьной учительницы, то на этом поприще меня скорее всего ждет блестящее будущее.

Так, споря сама с собой, я наконец добралась до кухни. И приросла к порогу при виде Марка. Он стоял ко мне спиной, широченные плечи распирали пиджак так, что тот едва не лопался по швам. С того дня, как я побывала в его клубе, мы виделись только раз, да и то мельком, и я внезапно запаниковала. Я уже повернулась было, чтобы незаметно удрать, но опоздала.

– Не так быстро, мисс Макмиллан.

Проклятие. Проклятие. Проклятие.

– Как вы догадались, что это я?

Марк обернулся, и при виде этих серо-стальных глаз на мужественном красивом лице у меня перехватило дыхание. Его окружала аура властности и силы – казалось, он заполняет собой комнату, так что всем остальным там просто не остается места. Кстати, я уже заметила, что точно такое же впечатление Марк производит и на других – как на мужчин, так и на женщин.

– Я почувствовал запах ваших духов, – бросил он. – Кстати, это другие – не те, которыми вы обычно душитесь.

Я чуть в обморок не хлопнулась от удивления. Марк знает запах моих духов?! Я слегка растерялась. Но куда сильнее меня напугало другое – какой-то странный блеск в его налитых кровью глазах. В душу немедленно закралось подозрение. Возможно, Марк почувствовал аромат незнакомой туалетной воды и догадался, что он явно мужской – из этого следовало, что от меня сейчас пахло, как от Криса. Единственным выходом было поступить так же, как я поступала до сих пор – точнее, почти всю свою жизнь, – сменить тему.

– Неважно выглядите, Боссмен. – У меня язык не поворачивался назвать его мистером Комптоном.

– Благодарю за комплимент, мисс Макмиллан, – сухо процедил он. – Продолжайте в том же духе, и вы далеко пойдете.

Узнав собственные слова, которые я когда-то сказала ему, я с трудом сдержала улыбку.

– Похоже, с вами это сработало. Что ж, я рада.

– В ваших устах это звучит так, будто на меня не угодишь.

Я поставила кружку Ральфа на стол.

– Просто вы... весьма сложный человек. Неоднозначный.

Уголки губ Марка дрогнули.

– Меня называли и похуже.

– Например, богатый и высокомерный? – усмехнулась я, вспомнив, как сама сказала ему это пару дней назад.

– Как я уже говорил, я...

– Богатый и высокомерный, – перебила я. – Я уже поняла. – Эта маленькая перепалка помогла мне взять себя в руки. Я даже осмелела настолько, что решилась задать ему вопрос: – Вы неважно выглядите... часом, не заболели?

– Просто иной раз утро и впрямь наступает слишком рано, – сухо бросил Марк и повернулся ко мне спиной, словно давая понять, что разговор окончен.

Я нахмурилась. Сказать по правде, я сильно подозревала, что это было проделано, чтобы я не заметила выражения его лица, но от моего внимания не укрылось, что сегодня Марку явно не по себе. Таким я его никогда еще не видела. Похоже было, что между нами внезапно выросла стена. Мной вдруг овладело ребяческое желание ее разрушить.

– Бывает, – насмешливо фыркнула я. – Со мной такое случается, когда ночью уделяешь слишком много внимания вину, опере или классической музыке. Надо ведь убедить босса, что тебе вполне по силам развлекать его клиентов, которых он приглашает домой на частный аукцион для избранных.

Снова повернувшись ко мне, Марк облокотился о барную стойку и принялся маленькими глотками потягивать кофе. Напряженность, которую я заметила в нем, исчезла, взгляд, как обычно, стал уверенным и властным.

– Просто пытаюсь дать вам то, что в ваших же собственных интересах.

Вот теперь уже неуютно стало мне. Что-то подсказывало мне, что это не обычная болтовня. Мы вступили на зыбкую почву – во всяком случае, я.

– И ваших, – выразительно бросила я.

– У нас с вами одни и те же интересы. – Марк склонил голову набок. – Помнится, мы уже говорили на эту тему.

Он явно намекал на тот наш разговор пару дней назад, когда он показал мне запись, на которой был заснят наш с Крисом поцелуй в галерее. Марк попытался убедить меня, что Крис устроил этот спектакль с одной-единственной целью – доказать всем, и мне в том числе, что я принадлежу ему. Тем же самым вечером Крис повез меня в клуб. В клуб, хозяином которого был Марк. Внезапно почувствовав приступ клаустрофобии, я схватила кружку и потянулась к кофейнику. Пол неожиданно ушел у меня из-под ног. Не знаю, как я удержалась на своих каблуках – помню только, как подскочивший Марк подхватил меня. Прикосновение его пальцев к моей руке заставило меня вскрикнуть – вдруг его серо-стальные, отливающие металлическим блеском глаза оказались прямо передо мной, и у меня возникло ощущение, что мне разом стало нечем дышать. Я попыталась было оттолкнуть его, но у меня были заняты руки.

– С вами все в порядке, мисс Макмиллан? – осведомился Марк. Самый обычный вопрос, но заданный глубоким низким голосом, он прозвучал настолько интимно, что это выглядело как предупреждение. В голове зазвенели колокольчики тревоги. Я вдруг поняла, что то, как я поведу себя, может не только отразиться на наших с ним отношениях, но и лишить меня работы, которую я надеялась получить.

– Если ходишь на каблуках, кофе нужно пить без кофеина, – буркнула я.

Губы Марка слегка дрогнули, потом вдруг по ним скользнула улыбка, что немало меня удивило.

– А у вас острый язычок, согласны?

Он неторопливо убрал руку, и мне вдруг вспомнилось, что писала Ребекка об играх, в которые обожает играть Марк. И я невольно подумала, не является ли та пугающая перемена настроения, которую я только что наблюдала у Марка, тоже своего рода игрой, испы-

танием, которому он любит подвергать людей. Поставив кружку на стол, я протянула руку к кофейнику.

– Нам нужно поговорить. Кофе нальете потом, – проговорил Марк. Моя рука замерла на полдороге, будто натолкнувшись на невидимую преграду.

Я зажмурилась, мысленно готовясь к тому, что меня ждет, и только потом решилась повернуться к Марку. Он тоже отставил кружку в сторону. Мы стояли у барной стойки, глядя друг другу в глаза.

– Поговорить? – тупо переспросила я. – По-моему, мы только этим и занимаемся.

– В мой мир попадают исключительно по приглашению, Сара.

Сара. Надо же! Он назвал меня по имени. Я догадывалась почему... Похоже, Марк рассчитывал меня напугать.

– Вы приняли меня на работу. Это обстоятельство похоже на приглашение.

– Показная скромность вам не идет.

Марк был прав. Мы оба знали, что он имеет в виду. Свой клуб.

– Меня пригласили, – оцетинилась я.

– Только не тот человек, который должен был бы.

– Нет. Тот самый.

– Какая перемена! Помнится, пару дней назад вы и слышать не хотели о нем.

Что толку спорить, отстаивая свое право быть рядом с Крисом, промелькнуло у меня в голове. В любом случае Марку это вряд ли понравится. Он даже не нашел в себе сил назвать Криса по имени.

– Я хорошо справляюсь с работой. Я смогу заработать вам кучу денег. Но моя личная жизнь вас не касается. Я не ваша собственность, Марк. – Его имя само сорвалось с моих губ. – Я принадлежу не вам.

– Тогда кому же, мисс Макмиллан?

Крису. Это был ответ, которого он ждал, ответ, который сделал бы Криса счастливым, но я промолчала. Призраки прошлого, обступившие меня, протестующе заворчали. Инстинкт самосохранения, пробудившись, напомнил мне, что глупо было бы пожертвовать тем, чего я добилась после двух лет каторжного труда.

– Себе. Только себе.

Глаза Марка удовлетворенно блеснули. Только сейчас до меня дошло, что я совершила непоправимую ошибку.

– Хороший ответ. Как раз тот, который я и хотел услышать. – Губы его дрогнули в улыбке. Повернувшись, он направился к двери. Уже взявшись за ручку, он вдруг остановился. – В таких делах не бывает, чтобы «ни два ни полтора». Не позволяйте ему убедить себя, что такое возможно.

Марк исчез прежде, чем я нашлась что ответить. Уставившись на дверь, я почувствовала, что у меня дрожат ноги. Крис сказал мне то же самое тем утром, когда мы с ним собирались в Напа-Вэлли. «Ни то ни се» такого не бывает, мысленно повторила я. Это и есть реальность, все утро смутно маячившая в моем подсознании. Та самая реальность, означавшая, что слово «все» определяет необходимость не просто принять все темные стороны натуры Криса. Не важно, чего мне это будет стоить, но ведь и я должна открыть ему свои секреты, а я сомневалась, что готова это сделать. И я не знаю, буду ли когда-нибудь готова... и сильно сомневаюсь, что и Крис готов. Только не к этому. И у Криса на это есть свои собственные причины.

Налив две кружки кофе, я с радостью обнаружила, что Ральф висит на телефоне, благодаря чему мне удалось беспрепятственно улизнуть к себе в офис – быстро, незаметно и без особого труда. Я уселась за стол, поставила кружку и принялась звонить Дэвиду на работу – но наткнулась на автоответчик. И имела удовольствие услышать, что офис закрыт «на

неопределенное время». От этих слов по спине поползли мурашки. Отшвырнув телефон, я невидящим взглядом уставилась в угол.

Ощущение было такое, будто я начинаю сходить с ума. Нельзя же видеть опасность повсюду, прикрикнула я на себя. Элла в Париже, наслаждается медовым месяцем. Все эти тайны Ребекки доведут меня до психушки. Да что там, вся моя жизнь превратилась в какой-то филиал психушки – а ведь какие-то пару недель назад она текла до того скучно и размеренно, что хотелось выть от тоски. Я чувствовала себя так, словно, стоя на выступе небоскреба, на огромной высоте, приблизилась к самому краю, и хотя от страха у меня подкашивались ноги, в крови бурлил адреналин... и что самое ужасное, я ловила себя на том, что мне это начинает нравиться.

К действительности меня вернул звонок сотового. Я вытащила его из сумки и увидела, что звонит Крис.

– Благополучно долетел? – спросила я.

– Только что сели. Хочешь знать, чем я занимался во время полета?

Мне показалось, голос Криса звучит раздраженно. А может, я сама была раздражена. Или мы оба.

– Надеюсь, тебе удалось поспать.

– Думал о тебе, Сара. И не о том, что хочу снова трахнуть тебя. Просто вспоминал, как лежал и любовался тобой, пока ты спала в моих объятиях.

Это признание и польстило, и встревожило меня. Обрела человека на бессонницу.

– Почему у меня такое чувство, что мне следует извиниться?

– Потому что ты отказалась лететь со мной и не сможешь этой ночью спать в моих объятиях.

– О... – пробормотала я. Тугая пружина, стянувшая мои внутренности, понемногу начала ослабевать. Выходит, Крис расстроен из-за того, что сегодня ночью мы не сможем быть вместе?

– Как-то непривычно ощущать, что кто-то имеет надо мной такую власть, – продолжал Крис, и при этом голос его был не просто недовольным, в нем чувствовалась растерянность. – Сам себя не узнаю.

Я уже успела понять, насколько для него важно постоянно чувствовать, что ситуация под контролем – неужели отныне я имею такую же власть над ним, как он надо мной, думала я. Лестно, конечно, однако я уже успела понять, что Крису от этого слегка не по себе.

– Знаешь, я возбуждаюсь от одного твоего голоса, – пробормотала я, пытаюсь вернуть ему уверенность в себе. Если бы я решилась сказать ему то, что только что услышала от него, уж мне бы это точно не помешало. – Видишь, какую власть ты имеешь надо мной?

– Вот и хорошо. – Крис шумно выдохнул, словно у него гора свалилась с плеч. Даже на расстоянии я почувствовала, как его захлестнуло облегчение. – Хреново себя чувствуешь, когда в голову лезут такие мысли, а ты один.

– Да. – Я улыбнулась. – Действительно хреново. – До меня смутно донеслись чьи-то голоса, и я догадалась, что Крис, выйдя из аэропорта, ловит такси.

– А вот и мое такси, – подтвердил мою догадку Крис. – Ладно, позвоню позже. И дай слово, что закажешь еду домой, Сара. Не хочу, чтобы ты выходила. – Я снова услышала голоса – видимо, таксист спросил про чемодан. Потом в трубке снова возник голос Криса: – Я серьезно, Сара. Закажи ужин домой.

– Я буду очень осторожна, обещаю. Садись в такси и позвони мне, как только сможешь.

– Осторожна? Это не тот ответ, который я хочу услышать. – Снова послышалось какое-то смутное бормотание. Крис негромко выругался. – Я должен идти, но разговор еще не окончен. Ты звонила Джейкобу?

– Нет, он не берет трубку...

– Сара...

– Со мной все в порядке.

– Хорошо бы, чтобы так было и дальше. – До меня донеслось раздраженное фырканье. – Ладно, позвоню, как только появятся свободные пять минут, и мы с тобой обсудим разницу между тем, как мы с тобой понимаем выражение «быть осторожной». – Я не успела ответить – Крис отключился. Еще один способ продемонстрировать, кто здесь главный, хмыкнула я.

Я сунула мобильник в ящик стола и предалась размышлениям. Вспоминала признания, которые услышала от Криса, его настойчивые просьбы быть осторожной, и чувствовала, как горит мое лицо. Не знаю, почему мне так нравилось, когда Крис принимался руководить мной, но, каюсь, мне это было приятно. Словом, Крис Мерит действовал на меня, как хорошая доза адреналина.

К реальности меня вернул звонок по внутренней связи. Я услышала голос Аманды:

– Вас спрашивает какой-то мужчина. Говорит, его зовут Джейкоб.

Глава 7

Едва успев попрощаться с Джейкобом, я обнаружила в почтовом ящике письмо от Марка. В теме письма стояло «Риптайд». Я оцепенела. То, что оно пришло именно сейчас, явно было не случайно, а тема письма ненавязчиво напоминала, что семье Марка принадлежит один из известнейших аукционных домов. Марк не мог не знать, как я мечтаю работать на них. И он был слишком умен, чтобы не понимать, какую мучительную неловкость я испытываю из-за неопределенности своего положения в галерее. Нетерпеливо щелкнув мышкой, я открыла письмо.

«Мисс Макмиллан,

Через два месяца “Риптайд” устраивает аукцион. Прилагаю список лотов, которые будут на нем выставлены, с указанием предварительной цены. Теперь вы сами можете судить, насколько возрастает стоимость любого предмета искусства, если он выставляется на одном из наших аукционов. Отсюда следует, что вашей задачей будет убедить как клиентов, желающих продать уникальные предметы своей коллекции, так и художников воспользоваться услугами нашего аукционного дома. Более того, если название нашей галереи будет указано в качестве агента по продаже, это упрочит нашу репутацию одной из престижнейших художественных галерей, что, в свою очередь, привлечет к нам богатых клиентов, и, как следствие, заставит художников выставлять свои работы именно у нас.

Можете расценивать это как предложение заняться поисками предметов искусства, которые могут быть выставлены на предстоящем аукционе. Если эти поиски увенчаются успехом, вы будете приглашены принять участие в аукционе, а также получите солидные комиссионные от продаж.

*Искренне ваш,
Боссмен».*

То, что письмо пришло именно сейчас, внушало беспокойство, от которого меня не избавила даже шутливая подпись под письмом. Марк вызывал во мне противоречивые чувства. Успех, которого он добился, не мог не вызывать уважения. К тому же я не раз отмечала его неизменную лояльность к тем, кто на него работает, и поэтому как-то не верилось, что человек, о котором говорилось в дневнике, был именно Марк, на чем настаивал Крис. Мой взгляд остановился на картине, висевшей на противоположной стене – это был букет алых и белых роз кисти гениальной Джорджии О’Нил, из личного собрания Марка, которую он приказал повесить в офисе Ребекки.

Невольно вспомнились розы, которые посылал Ребекке тот, кого она называла своим Господином. Вспомнились ее слова при виде этих роз. «Я тоже расцветала, я чувствовала, что готова идти, куда он меня поведет». Внезапно я поймала себя на ощущении, что Марк подталкивает меня к чему-то, и по спине у меня пополз холодок. Конечно, я не была уверена, что он и есть тот таинственный мужчина, о котором Ребекка писала в дневнике, зато твердо знала, что я не его раба и не имею ни малейшего желания ею становиться. Но при этом я сильно подозревала, что в намерения Марка входит именно это. И хотя в письме Марка не упоминалось о Крисе, что-то подсказывало мне, что именно о нем думал Марк, когда писал его – потому что я отказалась признать, что теперь принадлежу Крису. Марк хотел сделать так, чтобы я принадлежала ему. И вот когда передо мной наконец забрезжила надежда сде-

лать карьеру в этой области, Марк использовал это как наживку, чтобы подцепить меня на крючок. Он понимал – и знал, что я тоже это понимаю, – что я, конечно, могу найти другое место, однако вряд ли там мне будут платить столько, чтобы я смогла бросить работу в школе. Поэтому я не могла позволить себе роскошь забыть о том, как много может значить для меня эта возможность.

Мысли лихорадочно кружились у меня голове – не в силах усидеть на месте, я выскочила в коридор. Если страх потерять работу окажется сильнее, мне конец, потому что тогда я окажусь во власти Марка. А я не могла этого допустить – не для того я всю свою жизнь вкалывала как каторжная, чтобы стать покорной игрушкой в его руках. Проклятие, подумала я, хватит наконец тешить себя надеждой, что моя мечта вот-вот осуществится. Чем дольше я буду цепляться за нее, тем больнее будет смириться с мыслью, что мне придется вернуться в школу. На одну зарплату не проживешь, и вот тут мне оченьгодились бы комиссионные. Иначе я бы давным-давно заставила себя отказаться от этой надежды.

Раздираемая сомнениями, я даже не заметила, как оказалась перед кабинетом Марка. Дверь была закрыта – впрочем, меня это не удивило. Он был не из тех, кому нравится, когда в кабинете толпятся сотрудники. Уже подняв было руку, чтобы постучать, я постояла немного, пытаюсь успокоиться. Нервы расшалились не на шутку, и это мне очень не нравилось. Это было проявлением слабости, которую я ненавидела и от которой до смерти устала. Стиснув зубы, я загнала подальше страх потерять работу своей мечты и, храбро расправив плечи, постучала. При этом я словно увидела себя со стороны и едва не рассмеялась, до того жалко это выглядело. В следующую минуту я услышала низкий голос Марка, позволяющий мне войти. Почему-то любая фраза из уст Марка звучала как приказ.

Сделав над собой усилие, я переступила порог и захлопнула за собой дверь еще до того, как он велел мне это сделать. Держи себя в руках, твердила я себе. Дай ему понять, что последнее слово останется за тобой. Я повернулась к нему, попутно отметив и овальную форму кабинета, и развешанные по стенам картины известных художников. С трудом оторвавшись от них, я повернулась к мужчине, сидевшему за массивным столом из толстого стекла, мужчине, которого я в первую же нашу встречу с ходу окрестила «Королем». Окружавшая его аура являла собой гремучую смесь властности, силы и сексуальной притягательности. Весьма представительный, даже импозантный, он одновременно пугал и притягивал меня. Однако было в нем нечто еще... нечто такое, что настойчиво привлекало мое внимание. С трудом заставив себя оторваться от созерцания Марка, я уставилась на огромную, занимающую всю противоположную стену фреску с видами Парижа, и ноги у меня подкосились. Закусив губу, я вглядывалась в роспись... теперь я была уверена, что мне знакома эта изысканная манера письма. Я узнала руку Криса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.